

СИБИРСКИЙ ФОРУМ

2016 | май
интеллектуальный
диалог

МАСТЕР-КЛАСС: ПРИРАСТАТЬ опытом и душой ● стр. 2-24

БИОИНЖЕНЕРЫ ЗА ШКОЛЬНОЙ ПАРТОЙ

Владислав Галимов:

● стр. 2

«Рано или поздно система образования, которая постоянно заимствует чужой опыт, зайдёт в тупик. Финны не стоят на месте, одни изменения следуют за другими. А нам что же остаётся? Постоянно заниматься выуживанием их опыта и прививанием его здесь? Абсолютно бессмысленно!»

ИЗ «СНЕЖНЫХ БАРСОВ» В СПАСАТЕЛИ

Валерий Коханов:

● стр. 6

«Экспедиция была очень серьёзной, но для края она прошла незаметно. Да и в мире о ней немного говорили и писали. Может, дело в том, что в такие мероприятия вкладывает деньги большой бизнес. А тут, получается, четыре человека взяли и незаметно прошли сотни километров на лыжах».

ВИЗИТНАЯ КАРТОЧКА УСТНО

Татьяна Шмелёва:

● стр. 20

«Ничто не может так подорвать коммуникативный престиж, как неправильное ударение. Можно произнести блестящую речь, а испортить впечатление одним только неправильно акцентированным словом типа «созвОнимся».

«Надо сказать, никто в Европе не знает о вкладе русских в события Первой мировой войны. А потому я так хочу найти хотя бы одного солдата. Это вызовет эффект разорвавшейся бомбы — оказывается, русские участвовали! И побеждали. Думаю, для сегодняшней ситуации это архиважно.

Но пока удалось найти только семь предметов, принадлежащих русским. Среди них каска, пряжка от ремня, кусок сабли...»

Француз Пьер Малиновски о поисках следов Русского экспедиционного корпуса

● стр. 4

Отвечьте с первого раза, какой мастер-класс самый распространённый в наше время? Разумеется, по приготовлению еды! Примерами, как соорудить простейший завтрак или, наоборот, поразить воображение гостей настоящим шедевром кулинарного искусства, забиты интернет-сайты, телеканалы, блоги и прочее.

Сложно сказать, спрос здесь сформировал предложение или наоборот, но как-то уже хочется, чтобы про еду мы говорили меньше. Тем более что есть и другое, чему хочется учиться у специалистов и мастеров. Как шить? Как говорить? Как жить? Несколько советов, подкреплённых авторитетом не только высокой квалификации, но и личности, вы точно для себя найдёте.

Равнодушных к живому нет

Крысы, кролик, тритоны, лягушки, улитки и экзотические красноухие черепахи — обитатели живого уголка в гимназии «Универс», где биологией и естествознанием преподаёт Владислав Николаевич ГАЛИМОВ, абсолютный победитель профессионального конкурса «Учитель года города Красноярска» в 2016 году. Ухаживают за всей этой живностью дети.

— Детство моё прошло в деревне, учился в сельской школе в Томской области. Помню, очень любил собирать гербарии, коллекционировать насекомых. Класса с шестого точно понимал, что буду заниматься биологией. Правда, сначала мечтал о науке, но получилось так, что поступил в Томский педагогический университет и не жалею, что стал учителем, — признаётся Владислав Николаевич. — Почему-то дети и многие взрослые считают, что учитель биологии должен, во-первых, чётко разбираться в медицине (знать все симптомы болезней и способы их лечения), во-вторых, уметь выращивать любые комнатные растения и давать советы, как их подкармливать удобрениями и спасать от вредителей.

— А разве не так?

— Нет, конечно! Учитель, прежде всего, должен знать и преподавать свой предмет так, чтобы было интересно; должен уметь вывести учащегося на дорогу, по которой дальше тот сам будет продвигаться. Мой учительский стаж — более 20 лет, и среди моих бывших учеников много медиков, есть ветеринары и даже два школьных учителя биологии.

— Как получилось, что из Томска вы переехали в Красноярск?

— Моя супруга родом отсюда. И я очень счастлив, что попал именно в гимназию «Универс», которая работает по новым стандартам, и помимо обязательной программы ребята должны ещё и внеурочной деятельностью заниматься. Наш курс по выбору — один из самых популярных у шестых и седьмых классов. С восьмого класса ребята уже ходят на профильную лабораторию. В этом году выпускается девятый класс, и уже сейчас видно, что половина ребят выбрали биологию для сдачи ЕГЭ и планируют идти в профильные классы.

— Биология — сложная наука.

Как вообще заставить ребёнка заниматься сложным предметом?

— Я не думаю, что биология сложна, если говорить о школьном уровне. Но заставить её заниматься, конечно, невозможно. Биологией можно увлечь, ведь этот предмет необычайно интересен. Я не думаю, что есть на земле человек, который равнодушен к растениям, к животным, к своему собственному организму, к экологическим проблемам своего города, планеты в целом.

На самом деле увлечь биологией не так и сложно, главное — самому быть равнодушным к этой науке. Я, например, в детстве читал много книг о живой природе, в особенности Джеральда ДАРРЕЛЛА. Мне кажется, каждому человеку просто необходимо прочитать хотя бы одну его книгу в своей жизни. В 2012 году, как только я пришёл работать в эту гимназию, мы с ребятами стали создавать живой уголок. Это же очень важно — общение с животными, а для преподавания биологии особенно.

— Сейчас естествознание теряет свои позиции. Показатели по ЕГЭ низкие, мало кто из детей выбирает эти предметы. Почему так сложилось? И зачем ребёнку пестики и тычинки?

— Понятно, что самый популярный предмет — всё-таки общественное знание, потому что он требуется при поступлении во все вузы. Но у нас в «Универсе» биологию для сдачи ЕГЭ в этом году выбрал 51 человек из 150 — то есть каждый третий. В масштабе страны, возможно, есть определённый перекося, когда дети после школы выбирают обществоведческие специальности — юридические, экономические, которыми рынок уже перенасыщен.

Родители стараются запихнуть ребёнка туда, где он, как им кажется, будет в шоколаде и всегда при деньгах. Но я уверен, что пройдёт несколько лет и ситуация изменится.

Мне очень понравилось выражение директора старшей ступени нашей школы. Он обмолвился, что биология — это самая инженерная наука. Так и есть! Например, у нас в гимназии функционирует инженерная школа, и в этом году впервые в

её учебный план включена биология. Казалось бы, зачем ставить нашу науку в один ряд с математикой, физикой, черчением, информатикой? Понятно, что здесь она нужна не в плане пестиков и тычинок. Интересно другое: каким образом устроены живые системы, что позволяет им эффективно выполнять функции, и как это может способствовать развитию мышления ребёнка.

— И в самом деле, как?

— На днях мы с учеником 7 класса обсуждали механизм работы устьиц — это образования на кожице листа, служащие для испарения воды. Там есть такая особенность — одна из стенок более толстая, а другая более тонкая. Когда клетка набухает, то она изменяет форму и, выгибаясь, открывает устьице, обеспечивая возможность для испарения. Семиклассник сидел, думал и вдруг говорит мне, что это явление может пригодиться в робототехнике. Сам я не очень, откровенно говоря, в технике разбираюсь, но пытаюсь понять его мысль. Оказывается, он додумался до того, что принцип действия устьиц можно при определённых условиях использовать для работы суставов у роботов. Вот какое интересное мышление! И таких примеров масса.

На занятиях мы, прежде чем разорвать строение листа, придумываем сначала его конструкцию — как было бы хорошо, если бы он был устроен так-то... А потом уже смотрим реальный лист и находим подтверждение своих же гипотез — то, что давным-давно было открыто природой. Так что биология, как и многие школьные предметы, позволяет формировать и математическое мышление, и инженерное, и экологическое — какое угодно.

— Что важнее — дать знания или разбудить интерес? Как воспитать любопытство?

— Всем понятно, что учитель как источник знания — это уже не работает, альтернатив сколько угодно. Дети часто знают больше тебя, хотя могут в этом не ориентироваться. Важнее разбудить любопытство. Опять-таки биология хороша в этом смысле тем, что есть живые объекты, ученики могут их потрогать, рассмотреть. Далее, можно моделировать, конструировать с тем же пластилином и т.д. А ещё есть момент открытия: твои знания и опыты, в процессе которых ты узнаёшь что-то новое. Надо быть очень нелюбопытным человеком, чтобы не испытывать некий азарт. Всё, о чём я вам говорю, это особенности нового курса, который так и называется «Но-

вая биология», мы единственные в крае в гимназии «Универс» его апробируем и всячески пропагандируем.

— Какому ребёнку требуется индивидуальный подход (сказать, что к каждому — будет лукавством, ведь это практически невозможно)?

— Есть дети, у которых чувствуется глубокий искренний интерес к предмету, а есть те, у которых такой интерес напрочь отсутствует (может, даже в силу того, что учитель где-то недоработал). Если, например, ученику интересно остаться в субботу после уроков и пойти почистить у кроликов, или ребёнок может час простоять возле аквариума, наблюдая за черепахами, это, я думаю, чёткий индикатор.

— Так ведь каждому ребёнку, наверное, интересно...

— Первый интерес у всех есть, а потом, через пару недель — уже большая разница. Есть ребята, которым интересно порешать биологические задачи или посидеть над заданиями олимпиад, причём не обычные тесты пройти, а выполнить задания, где нужно посидеть и подумать — это тоже показатель. Наши ребята активно участвуют в олимпиаде на базе Московской школы «Интеллектуал». Её уровень по биологии и биохимии педагоги нашей гимназии сравнивают с университетским, а дети занимаются там, забывая о времени, и с гордостью получают зачёты. Таких маркеров интереса к предмету довольно много.

— И всё-таки: как работать с разношёрстным коллективом и управлять большой массой детей?

— С индивидуальным подходом в массовой школе сложно. Но есть несколько простых рецептов: во-первых, повторю, собственный интерес учителя к предмету обязательно должен присутствовать. И второе — я должен детям предложить разные задания.

Кому-то интересны математические вещи, а кому-то описательные и наблюдательные; кого-то привлечёт написание трактата об испарении растений, а кого-то — работа с графиками и диаграммами или с какими-то конкретными объектами. Очень хорошо, когда в рамках темы удаётся так рационально распределить задания.

И ещё один рецепт: нужно меньше делать самому и больше давать самостоятельности ребятам. Конечно, есть обязательные, базовые вещи, и мы, учителя со стажем, поговорить любим, но приходится себя иногда осаживать. Часто ловлю себя на мысли: вот это они могут сделать

сами, без меня всё прекрасно обсуждают, и результат получится в 100 раз лучше. Как правило, так и случается. Есть среди детей любители порассуждать в одиночестве — ради бога! Я им предоставляю максимальную свободу. Рецепты, как видите, простые, и у каждого учителя они свои.

— **Правда ли, что сейчас учителя не готовы делиться собственными наработками — из-за системы стимулирующей оплаты труда? И какими секретами, методиками готовы поделиться вы?**

— В рамках недавнего конкурса, когда шла речь о выставлении своих материалов на сайты, от учителей других школ я услышал, что не всем стоит публично делиться, потому что за авторские наработки якобы можно какую-то материальную выгоду получить. Для меня это была большая новость, потому что я работаю в таком коллективе, где про это никто не думает, мои коллеги с большим удовольствием делятся всем, что у них есть. Наверное, месяца не проходит, чтобы я не поделился чем-либо на открытых уроках, мастер-классах, открытых площадках. Даже не знаю, как может быть по-другому...

В процессе тиражирования своего опыта я и сам расту, ведь процесс идёт двусторонний и, может быть, даже больше получаю, чем отдаю.

И я, и мои коллеги очень заинтересованы в том, чтобы то, что мы делаем, перенимали другие учителя.

— **Что вы считаете своими главными преимуществами, благодаря чему стали победителем конкурса?**

— Я усердно готовился, много чего читал, смотрел, пробовал, к тому же помогали коллеги. Это был отдельный, очень большой труд, но к возможности того, что я обязательно должен во что бы то ни стало победить — относился не очень серьёзно, не придавал особой значимости своей персоне.

Понимал, что вокруг меня работает огромное количество прекрасных учителей, которые в каких-то вещах намного сильнее меня. Волнение, конечно, присутствовало, но оно не давило. Кроме того, я всё и всегда стараюсь делать хорошо, и нынешний конкурс не был исключением. Вот и на этот раз я выложил на все сто. Большую эмоциональную поддержку оказывала жена...

— **Школа — это система, ей вроде бы надо соответствовать. А лучшими становятся те, кто выбивается. Как это совместить?**

— Школа — это, конечно, система, но у нас профессия такая, что уложить в какие-то рамки ВСЁ — просто невозможно. Учительская профессия — одна из самых творческих, я считаю, сродни профессии актёра, режиссёра, художника. Поэтому система касается только основополагающих моментов — в первую очередь того, как должен быть построен учебный процесс. Но то, что внутри — никакой системе подчинить невозможно.

Если бы действовал только системный принцип, то все мы были бы как винтики. Однако я даже два урока подряд в одной параллели не могу провести одинаково — не получится. Творческая составляющая нашей профессии очень велика, поэтому все мы как-то выбиваемся из этой системы. Будет плохо, если ты останешься только в матрице и не будешь пытаться ничего другого сделать, тогда получится «преподавание расписания поездов — от сих и до сих».

— **Игровая форма — это по-прежнему лучшая форма усвоения?**

— До определённого возраста игровая деятельность основная. Но начиная уже с пятых и шестых классов ТОЛЬКО ИГРАТЬ уж точно нельзя. Там вполне подходят более серьёзные вещи.

— **Чем родители могут и должны помогать ребёнку? Выполнять с ним домашнее задание? Разбирать вместе новый материал?**

— Только не учить за него уроки! А если помогать, то не тем, чтобы подсказать ответ или даже подсказать, как этот ответ получить. Надо понимать: то, чему когда-то учили родителей, и то, чему и как учат детей сейчас — это абсолютно разные вещи. Мы очень часто сталкиваемся с ситуациями, когда родители, уверенные в своей правоте, ошибочно объясняют ребёнку что-то. Но время не стоит на месте. Поэтому, мне кажется, очень правильная вещь, которую нам в своё время объяснили основатели курса «Новая биология»: хорошо, если родители помогают ребёнку сформулировать вопрос учителю. Когда ребята приходят ко мне с таким чётким вопросом — это подарок, ведь моя работа облегчается, и проблема решается целенаправленно. Мне кажется, хорошо бы родителям иногда посещать наши уроки, чтобы понять, как всё происходит. Тогда очень многие вопросы — по отношению к учителю, и по отношению к ребёнку снимались бы.

У нас, как говорится, лечить и учить умеют все, а надо как-то избавляться от этого мифа и уважать профессионалов.

— **Сейчас всё чаще мы слышим о системах образования — в Японии, в Финляндии, — которые оказываются гораздо более эффективными (т.е. дети показывают лучшие результаты) по сравнению с отечественной системой. Как вы относитесь к проблеме перенимания чужого опыта, нововведений?**

— Очень осторожно. Есть мнение (и я его в определённом смысле разделяю), что рано или поздно система образования, которая постоянно заимствует чужой опыт, зайдёт в тупик. Финны не стоят на месте, одни изменения следуют за другими. А нам что же остаётся? Постоянно заниматься выживанием их опыта и прививани-

ем его здесь? Абсолютно бессмысленно! Тем более, наши реалии и реалии Японии или Финляндии — абсолютно разные.

Конечно, есть универсальные вещи и можно было бы их использовать, но в подавляющем большинстве нужно строить свою систему, и только в этом случае она даст эффект.

Хватает в нашей стране и светлых голов, и ресурсов, чтобы это делать. Есть, правда, то, что я точно взял бы из финского опыта и что обязательно для людей творческих. Там главное даже не результаты ЕГЭ, а то, как дети воспринимают учителя и его предмет. В Финляндии учителю доверяют гораздо больше, чем в России, и результаты не заставляют себя долго ждать. А у нас уйма проверяющих и тех, кто наставляет школьного педагога, как надо учить, причём на каждом шагу. Зачем?!

— **Одна из основных претензий к отечественной школе — авторитарный стиль. Учителя либо кричат, либо читают нравоучения. Устранение от воспитания, подстраивание под желание детей и родителей — другая крайность. Какова всё-таки должна быть роль учителя и, если так можно выразиться, его коммуникативный стиль?**

— Вот сегодня я, чего греха таить, со своим классом поссорился. Даже не знаю пока, как из этой ситуации выходить, но мы друг на друга обиделись. Я понимаю, что виноват сам. Во всех случаях виноват взрослый — я исхожу только из этой позиции и никогда не обвиняю детей или стараюсь, во всяком случае, сделать так, чтобы они этого не почувствовали. Иногда приходится повышать голос, по-моему, без этого вообще сложно обойтись в жизни. Есть ситуации, когда нужно предостеречь от чего-то — срочно дать понять человеку, что он не прав, что вот так поступать нельзя, или в дальнейшем вас это заведёт туда, куда не нужно. Что касается нравоучений, то я не люблю их читать и стараюсь себя одёргивать всегда.

Коммуникацию «учитель-ученик» выстраиваю так: во время урока всё-таки определённая дистанция есть, потому что иначе получится хаос, как говорят в армии — потеря управле-

В. Галимов: «Я заядлый грибник и ягодник и всегда не прочь побродить по лесу. А на дачном участке, который мы с женой недавно приобрели, планирую выращивать плодово-ягодные культуры, обязательно буду разводить крупноплодную и высокоурожайную смородину — люблю эту ягоду с детства».

ния. Но после уроков общаюсь с ребятами практически на любые темы. Например, у меня с детьми много общих интересов, не связанных с учёбой. Скажем, коллекционируем вещи советского прошлого, делимся информацией о новых приобретениях. Нельзя на себя личину неприступности надевать, иначе станешь непогрешимым памятником, и с тобой детям не интересно будет общаться.

— **Учитель — всё равно ментор. Это мешает личной жизни? Умеете ли вы переключаться?**

— Для меня так остро вопрос не стоит. Хотя, я думаю, проблема профессиональной деформации учителей всё-таки присутствует. Я за собой не всегда это замечаю, но иногда жена подсказывает, что нужно что-то в себе поменять. Есть примеры, я сталкивался с этим в других школах, когда учитель полагал, что только его мнение единственно верное. Не хотелось бы эту ошибку повторять...

— **Какие фильмы про учителей и школу для вас наиболее знаковые?**

— Мне очень нравится художественный фильм «Расписание на послезавтра», где звучат истины, которые актуальны и сейчас, хотя снимали картину более 40 лет назад... Там герои говорят о том, что педагогика — это наука поиска, о том, что нельзя только получать и передавать знания, а нужно заставлять детей мыслить. И... тут я точно не буду оригинальным, но мне очень нравится фильм «Доживём до понедельника». По-моему, герой Вячеслава ТИХОНОВА — это образ учителя на все времена. И мне очень бы хотелось быть хоть в чём-то на него похожим.

Вера КИРИЧЕНКО

Я выбрал Россию

Насколько важно в самом начале жизненного пути определить цель и упрямо ей следовать, ещё раз напомнил двадцативосьмилетний француз Пьер МАЛИНОВСКИ, прочитавший в конце апреля студентам Гуманитарного института Сибирского федерального университета две лекции, посвящённые событиям Первой мировой войны.

Акцент на возраст здесь сделан не случайно. Лектор годами недалеко ушёл от своих слушателей, что в дополнение к познавательной информации преподнесло студентам хороший урок. Урок активной жизненной позиции, которая позволяет многого добиться в считанные годы.

Пьер Малиновски, благодаря своему отцу, историку и писателю, ещё в детстве заинтересовался судьбой Русского экспедиционного корпуса, который сражался в Первую мировую во Франции. Среди бойцов корпуса были и наши земляки. Дело в том, что 1-я особая пехотная бригада, входящая в состав корпуса, добиралась до Франции окольным путём: сначала по Транссибу во Владивосток, затем через Индийский океан, Суэцкий канал и Средиземное море. На пути в Марсель бригада пять дней простояла и в Красноярске, где пополнила свои ряды сотнями добровольцев. Так что тема для наших будущих историков близкая и более чем интересная.

Надо сказать, что Пьер, человек энергичный и непоседливый, занят не столько архивными изысканиями, сколько поиском россиян, павших в боях на полях Франции. Он не без основания считает эти поиски исключительно важными в сложившейся политической ситуации. И в Красноярске он приехал рассказать именно о раскопках.

Преимущественно об этих раскопках мы и планировали записывать интервью, но Пьер оказался такой яркой, колоритной личностью и так многое в свои годы умудрился пройти и испытать, что разговор быстро вышел за рамки изначально обозначенной темы. Да уже одна его фамилия способна заинтриговать.

— Пьер, а не русские ли у вас корни? Вы случайно не родственник маршалу Малиновскому, Родиону Яковлевичу? Уж очень многое сходится: наш brave маршал в юности воевал в составе Русского экспедиционного корпуса, у вашего отца оказалась часть архива этого корпуса, ну и география боёв тоже позволяет предполагать...

— Маршал Малиновский воевал в составе Русского экспедиционного корпуса сержантом. Он вернулся в большевистскую Россию и стал героем Великой Отечественной войны. Я встречался с его дочерью Натальей, и её этот вопрос тоже очень интересовал. Тем более что Родион Малиновский сражался в непосредственной близости от земельных владений нашей семьи. Но на самом деле наши корни — на Западной Украине, на границе с Польшей. Часть моих родственников там и живёт. Другая часть живёт в Польше. Но в основном всё же во Франции. И переключки с биографией маршала Малиновского — это просто случайное совпадение.

— Пьер, вы говорили, что имеете какое-то отношение к Европейскому парламенту...

— Да. По линии Национального фронта, возглавляемого Марин ЛЕ ПЕН. Я занимаюсь международным сотрудничеством, международными контактами. И преимущественно с Россией.

— А ещё было сказано, что вы бывший военный. Прослужили восемь лет. Можно об этом поподробнее?

— Я поступил во Французский иностранный легион в восемнадцать лет. Ради этого пришлось достать себе швейцарский паспорт. Там в то время уже служил мой двоюродный брат. Вот и я, ничего не сказав дома, собрал рюкзак и отправился в армию.

Со временем я там стал руководить специальной группой и часто бывал в Африке, скажем так, в командировках. Так что, хотя мне нет ещё и тридцати, разных интересных эпизодов было в моей жизни предостаточно. От одного издательства мне даже поступило предложение написать автобиографическую книгу.

Поводом такому предложению послужила история, которая случилась в октябре прошлого года. Тогда французские пилоты частного самолёта вместе с его хозяином, которого уличили в торговле наркотиками, были в Доминиканской Республике посажены в тюрьму и приговорены к двадцати годам лишения свободы. Но благодаря моей военной группе, совершившей небольшую операцию, пилотов удалось вернуть во Францию. Так что я весь месяц был героем и не сходил с экранов. Показывали на всех телеканалах. В результате, заинтересовавшись такой экстравагантной судьбой, ко мне издательство и обратилось.

А недавно на каналах «Россия 24» и «Россия 1» прошёл репортаж с раскопок, которые я провожу. К тому же почти каждую неделю я даю интервью о них одному французскому изданию.

— После таких признаний ваше присутствие на Параде Победы в прошлом юбилейном году уже не кажется таким уж фантастическим. И всё же — как это случилось?

— Всё произошло следующим образом. Накануне празднования семидесятой годовщины Победы посол России во Франции позвонил мне и

сказал: «Может, ты соберёшь ветеранов Второй мировой да приедешь с ними в Москву на парад?».

Разумеется, я тут же согласился. Пригласил племянника генерала де ГОЛЛИЯ и его телохранителя и первую французскую женщину-генерала. И вот такой компанией мы приехали в Москву. И были очень удивлены, когда нас пригласили не просто занять место на площади, но пройти на трибуну мавзолея. А потом ещё и пригласили на торжественный приём.

Всё произошло очень неожиданно. И на параде, и потом на дипломатическом приёме я оказался за одним столиком с патриархом Кириллом. Рядом был стол, за которым сидели президенты России и Казахстана. Так как я оказался совсем рядышком, то, конечно, воспользовался ситуацией и немного пообщался с президентом ПУТИНЫМ.

— Похоже, боевой опыт вам помог — и здесь не дал растеряться.

— Пожать руку президенту — это, конечно, здорово. Но вот провести встречу минут на десять-пятнадцать — уже совсем другое дело. Думаю, если я найду останки русского солдата, то такая возможность представится.

Скажу больше. Я настолько люблю Россию, что хочу получить российское гражданство. Надеюсь, что в следующем году я его получу и присоединюсь к команде моих соотечественников, которые уже несколько лет живут в России. Им всё здесь нравится. И я хочу быть одним из них. С Жераром ДЕПАРДЬЕ мы большие друзья. Недавно мы встречались с ним и с русским художником Ильёй ГЛАЗУНОВЫМ.

Хочу сказать, что не надо верить тому, что пишут о Депардьё в Интернете. Говорят, что он приехал в Россию из-за денег, чтобы скрыться от налогов. А ещё потому, что состоит в друзьях президента Путина. Это полная ерунда. Я часто с ним вижу и не понаслышке знаю, как он любит Россию. Он уже проникся русским менталитетом, и очень ему не нравится то, что сейчас происходит во Франции. Его любовь к России искренняя. Мой двоюродный брат работает в его команде. И я тоже хочу стать русским.

— Тогда, Пётр, придётся серьёзно языком заняться. Без этого никак.

— Жерар по-русски знает только «да» и «нет».

— Тогда вам ничего не остаётся, как стать звездой такой же величины, как и Депардьё. Но какое продолжение получил ваш визит в Москву на Парад Победы?

— Должен сказать, что сотрудничество продолжается. В этом мае, с пятого по десятое число, я не только приеду в Москву сам, но привезу моего хорошего друга, одного из федеральных советников Швейцарии, представляющего политическую элиту очень высокого уровня. Он приедет в Россию, чтобы встретиться с Анатолием КАРПОВЫМ и другими деятелями. И надеется встретиться с президентом Путиным. Надо укреплять сотрудничество со Швейцарией, а не только с Францией. Это наша общая задача (*интервью записывалось в апреле. В мае запланированный визит в Москву состоялся — от ред.*).

— Говоря об общих задачах, нельзя не спросить: вы имеете какую-то связь с нашими поисковиками?

— Конечно, у меня есть контакты с русскими, но мы не можем работать вместе по юридическим причинам. Русские работают на своей территории. Они не могут приехать во Францию и производить раскопки. Даже для французов это сложно — чтобы получить разрешение, надо проделать большую работу. Но если я найду останки русского солдата, мне надо будет обратиться к русским археологам, чтобы они засвидетельствовали, что это именно русский солдат. И только тогда можно будет провести эксгумацию и отправить его в Россию. Если этим не заниматься, то власти просто захоронят солдата на кладбище в общей могиле.

— А работа с документами в архивах? Если в добровольцах были люди из Красноярска, наверняка в архивах что-то осталось.

— Набор в Красноярске производился в большой спешке. Корпус стоял здесь всего пять дней, а потому списки добровольцев не составились. Проблема ещё и в том, что 80% архивов Русского экспедиционного корпуса было уничтожено большевиками. Оставшаяся часть находится в различных частных архивах в США. И приблизительно пятью процентами обладаю я. У меня есть две бумаги о том, что корпус останавливался в Красноярске и делал набор добровольцев. Но в моём архиве сохранились только имена офицеров.

— Скорее всего, красноярцев в списках офицеров нет.

— Не знаю, может они и есть, но я пока вплотную этим не занимался. Сегодня моя задача найти хотя бы одного русского солдата. Это символический шаг, и он очень важен. Весной следующего года будет отмечаться сто лет со дня битвы Нивеля, в которой участвовал Русский экспе-

диционный корпус. Это одно из крупнейших сражений Первой мировой. И что-то мне подсказывает, что о русских опять забудут.

Кстати, возможно, тот солдат, которого я найду этим летом (а я очень надеюсь, что найду), будет именно из Красноярска. Вероятность достаточно велика. А потом, возможно, начну работу и с архивами.

— В своей лекции вы отметили, что только 30% уцелевших в боях солдат и офицеров остались во Франции, а остальные 70% вернулись в Россию. Думаю, здесь есть над чем поработать и нашим историкам.

— Но эти семьдесят процентов участвовали в революции, а потом бесследно исчезли в годы Гражданской войны. О тех, кто остался во Франции, нам всё хорошо известно. А вот о вернувшихся в Россию нет никаких сведений.

— Ну, участвовать в революции бросились далеко не все. Сибиряки, думаю, большей частью сразу рванули в Сибирь. Мой дед воевал в Первую мировую (её тогда в обиходе называли у нас германской). Как только появилась возможность, он тут же вернулся и с братьями поднимал оставленное на женщин хозяйство.

— Наверное, так и было с теми, кто вернулся из Франции. Но вряд ли они говорили, где побывали из-за последующих событий. Подобное повторилось и во Второй мировой. Так что их, возможно, было много, да вот только у их ныне живущих родственников ничего не узнать.

Надо сказать, никто в Европе не знает о вкладе русских. У нас есть только профессор Жерар ГОРОХОВ, который опубликовал работу об этих событиях. А потому я так хочу найти хотя бы одного солдата. Это вызовет эффект разорвавшейся бомбы — оказывается, русские участвовали! И победили. Думаю, для сегодняшней ситуации это архиважно. Но пока удалось найти только семь предметов, принадлежащих русским. Среди них каска, пряжка от ремня, кусок сабли...

Раскопки проходят на местах сражения Нивеля в секторе, который занимала 1-я пехотная бригада Русского экспедиционного корпуса. Это у деревни Курси под Реймсом. (Если учесть, что только эта бригада добиралась до Франции через Дальний Восток, значит, только в её рядах и могли быть добровольцы из Красноярска. — Г.Д.)

Это сражение ещё известно как бойня Нивеля. Там только русских полегло более пяти тысяч. У меня в архиве есть один документ — отчёт генерала МАРУШЕВСКОГО, который командовал 3-й бригадой. Он в нём на четырёх страницах буквально по минутам излагает, как проходила атака, сколько было погибших, раненых. В прошлом году, к столетию Первой мировой войны, в Курси был установлен памятник русскому солдату. За Курси полегло более 800 русских. Это почти столько же, сколько тогда было жителей в этой деревне.

Я уже говорил, что мой дом совсем рядом, так что места эти мне хорошо известны. Отец водил меня туда гулять лет с четырёх, и я ещё в детстве там все окопы облазил. Но раскопки проходят тяжело. Местами приходится копать на пять метров — укрепления там были серьёзные. Сложность ещё и в том, что время раскопок ограничено одним месяцем, так как территория занята сельхозугодьями. Вот и в этот август надо успеть уложиться

между сбором урожая и подготовкой к следующему. Так что копать нам придётся с утра до ночи.

А место, где будет захоронен солдат, уже подготовлено. И часовня уже построена. Только надо его найти. Эту идею изначально поддержал посол России во Франции господин ОРЛОВ, когда приезжал на открытие в деревне Курси монумента и выставки, посвящённых русским солдатам и офицерам. Потом он позвонил мне и сказал, что эту идею вообще все поддерживают.

— Кстати, а как относятся к вашей деятельности на родине? Всё, что сегодня происходит во взаимоотношениях России и Франции, мягко говоря, приводит в недоумение. Вроде были союзниками в двух мировых войнах, и вдруг... Ладно бы ещё немцы. Как такое могло случиться?

— Наши люди тоже в недоумении. Но надо сказать, что я представляю оппозиционную правительству часть политических движений. Поэтому в основном общаюсь с людьми, которые совсем не так мыслят, как мыслит наша политическая элита. А вообще, то, что я делаю, всегда находит позитивный отклик и поддержку у простых французов.

— Сейчас немцы решили в Трептов-парке, где захоронены тысячи наших солдат, рок-фестиваль провести. Такое возможно во Франции?

— К сожалению, и во Франции такое может случиться.

У нас иногда на памятниках французским солдатам пишут разные надписи. И все это терпят. В Европе происходят совершенно варварские вещи.

Европа сейчас переживает страшные времена. Особенно Германия. Их канцлер — это просто катастрофа как-то. Но поверьте, основная часть европейцев со всем этим не согласна. Прогрессивная часть Европы, люди моего возраста очень жалеют, что у нас нет таких лидеров, как ваш президент. Но, возможно, совсем скоро наступят перемены.

— Недавно один наш писатель побывал в Париже. Приехал очень огорчённый: «Где та Франция, которую мы так любим? Её больше нет».

— Да, он прав. Мы чувствуем то же самое. Франция моих родителей, моих дедушек и бабушек исчезает. Сегодня во Франции 60 млн французов

и 12 млн эмигрантов из мусульманских стран. Идя на уступки пресловутой толерантности, правительство ставит на ключевые посты выходцев из этого мусульманского населения, которому чужды наши традиции, наша культура. И они, естественно, продвигают свою линию. У нас министр труда и министр национального образования вышли из среды эмигрантов. Какую политику они могут вести по отношению к французам?

Когда произошли теракты в Париже, мы были очень возмущены. Мои друзья, а нас собралось несколько человек, решили поехать в Сирию, чтобы бороться с иГИЛОВЦАМИ. Как люди, имеющие соответствующий опыт, мы думали провести обучение, тренировки для бойцов сирийской армии. В одном из своих интервью я сказал об этом. В результате в самолёт я не попал. В аэропорту ко мне подошли девять полицейских и арестовали.

Пресса отреагировала мгновенно. И совсем не так, как на моё присутствие на Параде Победы. О нём никто во Франции и не узнал. А вот когда меня арестовали, об этом написали все газеты. Заголовки были такого типа: «Малиновски собрался в Сирию бороться с террористами. Но так ли это?». Надо сказать, что улётал я из Германии. Меня бросили в камеру, и уже оттуда я звонил кому только мог. Конечно, и дипломатическим представителям тоже. При этом один немецкий полицейский мне сказал: «Мы, немцы, здесь вообще ни при чём. Нам ваши же из Франции позвонили». Вот так.

— Пьер, а как складываются отношения с вашими украинскими и польскими родственниками?

— По-разному. Тот самый двоюродный брат, который служил в иностранном легионе и который сейчас работает в команде Депардье, из украинской диаспоры. Раньше я очень плотно общался со всеми своими польскими родственниками. Но поскольку Польша сейчас исповедует совсем другие политические идеалы, мы немножко разошлись. Так что я с ними не общаюсь. Они выбрали Запад, а я Россию.

Галина ДМИТРИЕВА

Благодарим Анастасию Владимировну Колмагорову, д. филол. наук, за прекрасный перевод

КОММЕНТАРИЙ

Директор Гуманитарного института СФУ Д.Н. ГЕРГИЛЁВ:

— С Пьером Малиновски мы познакомились, как это не покажется странным, в социальных сетях. Он первым вышел на нас, когда заинтересовался работой нашего поискового отряда «Енисей». Этот отряд уже не первый год работает под Волгоградом, занимаясь поиском останков солдат, оставшихся не похороненными со времён Великой Отечественной войны.

Познакомившись поближе с Пьером и его работой, мы пригласили его прочитать несколько лекций для студентов и сотрудников СФУ. Тема исторической памяти как никогда актуальна в наши дни, и тем более приятно, что французы бережно хранят память о наших солдатах, сражавшихся за Россию и Францию.

Во время визита мы установили с Пьером не только научные, но и тёплые личные отношения. Он предложил нам отправить группу студентов Гуманитарного института во Францию, на раскопки позиций Русского экспедиционного корпуса. Пообещал оказать в этом всяческое содействие, даже разместить молодых исследователей у себя, обеспечить питанием, показать Францию...

Учёные из Гуманитарного института СФУ, занимающиеся Первой мировой войной, Александра Сергеевна КУЗЬМЕНКО и Алла Ивановна ГЕРГИЛЁВА, в ходе дружеского заинтересованного общения с Пьером Малиновски не только получили новую, интересную для них информацию, но и сами помогли гостю найти ответы на ряд насущных вопросов. Визит оказался полезным и нам, и, думаю, нашему французскому коллеге.

СПРАВКА

Русский экспедиционный корпус состоял из четырёх отдельных особых пехотных бригад общей численностью 750 офицеров и 45 000 унтер-офицеров и солдат.

1-я пехотная бригада под началом генерал-майора Н.А. ЛОХВИЦКОГО, сформированная в январе 1916 года, прибыла в Марсель 20 апреля 1916 года, проследовав железной дорогой по следующему маршруту: Москва — Самара — Уфа — Красноярск — Иркутск — Харбин — Далянь. Далее французским морским транспортом по маршруту: Далянь — Сайгон — Коломбо (на Цейлоне) — Аден — Суэцкий канал — Марсель. И уже из Марселя была отправлена на западный фронт.

Следующие три бригады были отправлены другим маршрутом. В июле на салоникский фронт была отправлена 2-я особая бригада под командованием генерала ДИТЕРИХСА. В августе через Архангельск во Францию была отправлена 3-я особая пехотная бригада под командованием В.В. Марушевского. Она, как и первая, была направлена в Шампань-Арденны. И последняя, 4-я особая пехотная бригада во главе с генерал-майором М.Н. ЛЕОНТЬЕВЫМ прибыла в Салоники в середине октября. Артиллерийская бригада и инженерно-сапёрный батальон прибыли во Францию весной 1917 года.

1-я и 3-я бригады совместно с английскими и французскими войсками сдерживали наступление противника в регионе Шампань-Арденны. Благодаря стойкости бойцов, ценой больших потерь корпусу удалось предотвратить прорыв немецких дивизий в направлении Парижа. После боёв сражения Нивеля обе бригады были отведены на отдых в военный лагерь Ла-Куртин близ Лиможа, где они были объединены в Первую особую дивизию под командованием Лохвицкого.

В сентябре в лагере произошло солдатское восстание, которое было жестоко подавлено. После Октябрьской революции корпус был реформирован. Часть русских добровольцев продолжили службу в «Русском легионе чести», а часть выбрали работу на французских предприятиях. И почти 9000, в основном члены солдатских комитетов, были отправлены во французские колонии Северной Африки. Остальные смогли вернуться в раздираемую Гражданской войной Россию. Впоследствии одни из них вновь оказались во Франции, уже в эмиграции, а другие предпочли жить на родине.

4 месяца по Арктике и другой

Истории о покорении полюса и горных вершин всегда казались мне фантастикой, и я никогда не думала, что буду разговаривать с человеком, который совершил восхождение на Эверест и на лыжах перешёл Северный полюс, таща за собой 200-килограммовые сани с грузом экспедиции... В интервью попала лишь малая часть того, о чём альпинист, путешественник и спасатель Валерий КОХАНОВ рассказал в своих путевых заметках, ставших основой книги «Дневники "Снежного барса"».

— Валерий Петрович, со времени ваших больших путешествий прошло уже почти два десятка лет. А книга вышла только в 2015 году. Как пришло решение всё же изложить события на бумаге?

— Да, фильмы о наших экспедициях снимали, их несколько, они даже получали награды, а книг не было. Как возникла идея? К нам на Столбы, в избу «Голубка», как-то пришёл издатель Юрий КИРЮШИН. Послушал наши рассказы, а потом предложил: давайте сделаем книгу. Я согласился. Прошло какое-то время, и он взял да и подал заявку на грант. Проект победил, и деваться было уже некуда.

Геннадий ВАСИЛЬЕВ сформировал структуру нашей книги, Лидия КИСЕЛЁВА помогла с редактурой. В основу легли мои дневники — как мне сказали, «лучше тебя никто об этом не напишет».

— Читается на одном дыхании. Ничего раньше не слышала об этих путешествиях, а ведь это большие не только для Красноярска истории.

— Спасибо. Для города это действительно значимые экспедиции, особенно на Эверест. Это не случайное событие: у нас древняя альпинистская школа. Можно сказать, что традиция пошла с братьев АБАЛАКОВЫХ, которые тренировались на Столбах, как после и многие известные спортсмены. Красноярцы стали первыми покорителями высочайших вершин, пика Коммунизма и пика Ленина, именно с них начинался советский альпинизм.

Наши Столбы — отличная площадка для тренировки, из столбистов получаются хорошие альпинисты. У нас в крае вообще есть всё для подготовки экстремальных путешественников: и реки, и горы, и скалы. Красноярцы знают и уважают везде.

— Красноярская школа альпинизма и сейчас проявляет себя?

— Да, мы всегда в лидерах. Ребята, которые работают со мной в отряде МЧС, часто ездят на соревнования, выигрывают чемпионаты России.

— Кто-нибудь повторил ваш маршрут в Гималаях? Впечатляет тот факт, что красноярская команда проложила свой собственный путь на Джомолунгму. Как готовилось это восхождение?

— В Гималаи красноярцы начали ездить в 1990-е, но я ещё успел попасть в «профсоюзную» сборную советскую экспедицию в конце 1980-х, целью которой было восхождение на Лхоцзе. Это был мой первый восьмитысячник, громадный опыт во всех отношениях. Тогда из 129 человек в сборную отобрано 10.

А к Эвересту мы готовились целый год, проводили забеги на Столбах, в гору, на Борус, поднялись на пик Ленина (7134 м)... Капитаном нашей команды стал Николай ЗАХАРОВ.

— Идея тоже была его?

— Нет, идея созрела коллективно, Красноярская федерация альпинизма нас поддержала. Обратились к Сергею БАЯКИНУ, альпинисту и тогда депутату горсовета, он выступил как организатор и один из спонсоров. Тогдашний губернатор Валерий ЗУБОВ поддержал нас, МЧС выделило самолёт Ил-76, на котором мы полетели в Гималаи с ещё 4 командами спортсменов, которые следовали по другим маршрутам.

— Сколько тогда стоила экспедиция?

— Дорого. Точных цифр не назову, но в то время Непал установил плату для команды из 7 человек в 50 тысяч долларов. Это, можно сказать, взнос за использование горы. Если участников больше, за каждого доплачивалось по 10 тысяч. Плюс оборудование, снаряжение...

Мы заранее определились с маршрутом — Захаров выбрал такой, по которому никто не ходил. Хотелось оставить свой след в Гималаях подобно национальным сборным США, Франции, Японии, СССР.

— Советская сборная к тому времени уже побывала на вершине?

— Да, в 1982 году, проложив новый маршрут с юга, из Непала. А мы заходили с севера, из Тибета. Эверест покоряют с двух сторон, и маршруты по сложности примерно одинаковые.

— А с точки зрения опасности?

— Факторов опасности много в любом случае. Прежде всего высота, 8000 м над уровнем моря — это уже зона смерти, где очень сложно выжить без кислородного баллона. Из нашей команды на 8000 м до экспедиции на Эверест были всего трое: я, Захаров и Пётр КУЗНЕЦОВ. Остальные не поднимались выше 7500 м.

— Сколько всего красноярцев входило в команду?

— Нас было 12 человек, из них шестеро — штурмовая группа, но на вершину поднялись только трое. Всё тогда было подчинено одной цели... Кстати, недавно вышел фильм «Эверест», основанный на реальных событиях. Мы шли в горы в это же время, с разницей в неделю, и попали в тот же ураган. Люди погибли, когда мы были ещё на подъёме.

— Это правдивое кино?

— На мой взгляд, восхождение снято хорошо, многое совпадает. Из-за того ураганного ветра и нам пришлось идти наверх в самое неблагоприятное время. Перед нами взойшли два японца и участник индийской экспедиции. К сожалению, они погибли на спуске. То место, где это случилось, называется Зелёные Ботинки. Тело одного из восходителей долго лежало возле тропы, потом его перенесли немного в сторону... Те, кто погибает на Эвересте, там и остаются, поскольку вертолёты до такой высоты не долетают, а без помощи техники транспортировать такой тяжёлый груз очень сложно. При нас трагедия случилась и с австрийским альпинистом. Он пытался взойти без использования кислорода, но организм не выдержал. Пётр Кузнецов пытался делать ему искусственное дыхание, однако спасти альпиниста не получилось. Его тоже похоронили на горе. Вообще, раньше при восхождении погибал при восхождении каждый четвёртый.

— За двадцать лет оборудование менялось, и сейчас, наверное, проще покорять такие горы?

— Конечно. Те же баллоны — у нас они были металлическими, а сейчас из композитных материалов — весят меньше. Раньше трёхлитровыми баллонами из-под кислорода был завален весь склон. Шерпы снимали их и продавали вниз, как и другое снаряжение, оставленное альпинистами.

С появлением новых возможностей людей, достигших вершины, стало больше: то 16-летний зайдёт на гору, то слепому помогут это сделать...

— Вы тоже использовали носильщиков при восхождении?

— Нет, мы занимались доставкой снаряжения и обработкой маршрута сами. Портеры по действующим правилам забросили нас к лагерю на 6300 м, навьючив грузы на яков. Но дальше в гору мы шли сами. Вообще, шерпы (непальская народность) зарабатывают на путешественниках, используя свой могучий физиологический потенциал. Они рождаются уже на высоте 4000 м над уровнем моря, и им не требуется акклиматизация, как европейцам. В Индии есть институт альпинизма, где непальцев обучают и альпинистским техникам, и многому другому.

Сейчас уже существуют коммерческие экспедиции. Туристу достаточно заплатить деньги, а шерп тащит палатку, кислород, провешивает заранее верёвки... Восхождение одного человека стоит от 70 до 100 тысяч долларов. И заведут на вершину, и спустят с неё.

— Неинтересно...

— Интересно всё равно оказаться на высочайшей точке планеты.

— Сколько человек на сегодня уже побывали на «вершине мира»?

— Больше 4000. Мы в своё время были в 620-х.

— А техника лазания у альпинистов отличается от той, что применяется на Столбах?

— По-разному бывает. Но на такой большой высоте Столбы ничто не напоминает. Скалолазание и альпинизм вообще разные вещи, однако в самых сложных местах используются страховка и верёвки.

— Вы были на вершине. Судя по фотографии, наверху установлена палатка?

— Нет. В 80-90-х годах большая китайская экспедиция занесла на макушку Эвереста треногу из алюминия высотой около 2 м. На нём закреплены флажки, сувениры — альпинисты забирают те, что висят, и приносят новые. Факт своего восхождения надо зафиксировать несколькими способами: и принести что-нибудь с пика, и сфотографироваться на фоне этой конструкции, а также снять панораму. Мы панораму запечатлеть не смогли из-за сильного ветра и облаков.

— Почему на вершину смогли подняться только трое из членов красноярской экспедиции?

— Остальные работали как группа поддержки: занимались устройством лагерей, провешивали верёвки по маршруту. Они очень много сделали для восхождения.

Существует всего два способа покорения гор: в альпийском стиле, когда взваливаешь на себя рюкзак с палаткой и так идёшь до самой вершины, и в гималайском: с обустройством промежуточных лагерей. К ним спускаешься, чтобы отдохнуть, а в это время наверх, навешивая верёвки на самых опасных участках, идёт следующая группа. Потом меняешься с ней местами. Маршрут осваивается по челночному принципу.

— Обидно попасть в число тех, кто остаётся в лагере и не заходит на вершину...

— Конечно. Но никто не спорит. Решение принимает тренерский совет, каждая кандидатура согласовывается. Я в начале экспедиции сильно заболел, и надежды на восстановление

ДОСЬЕ

Валерий Петрович Коханов родился 2 декабря 1958 года в Красноярске. Окончил биологический факультет Красноярского государственного университета, 7 лет работал научным сотрудником НИИ сельского хозяйства. С 1994 года — спасатель в Сибирском региональном поисково-спасательном отряде. С 2002 года — заместитель начальника СРПСО МЧС России.

Неоднократный призёр и чемпион Советского Союза и России по альпинизму, мастер спорта международного класса по альпинизму (1996). Имеет титул «Снежный барс» за восхождения на все семитысячники Советского Союза (1991).

В составе красноярской команды проложил новый маршрут на Эверест (1996). Участник автономного трансарктического лыжного перехода из России в Канаду через Северный полюс (1998). Совершил одиночный переход по льду озера Байкал с юга на север (2000).

Награждён орденом «За личное мужество» за участие в восхождении на Лхоцзе (1990) и медалью «За спасение погибавших» (1995) после работ в Нефтегорске. Спасатель международного класса (1998). Заслуженный спасатель РФ (2015).

ЭКСТРИМ

ние почти не было: корифеи альпинизма говорили, что наверху мне делать нечего. К счастью, успел восстановиться: жёсткий контроль над собой, сон, антибиотики... Вообще-то даже не знаю, почему я выздоровел.

На самую вершину поднялись трое, однако это успех всей команды и её руководства. Кстати, из-за ветра вышли мы поздно, в восьмом часу утра, и спускались уже в темноте. Я шёл один, и так вышло, что без кислорода: из трёх необходимых для такого маршрута баллонов один вытек ночью. Кислород у меня закончился ещё на подъёме. Но организм выдержал.

На вершине мы сделали несколько фотографий, для того чтобы подтвердить факт нашего восхождения. 20 мая нашей экспедиции исполняется 20 лет.

— Отмечать будете?

— Естественно. Соберёмся командой. ВГТРК пошла нам навстречу и снимает фильм, в котором будут и кадры путешествия, и рассказы о том, что происходило дальше. Кого-то из 12 участников уже нет в живых... А ещё мы посчитали: после Эвереста у тех, кто был там, родилось 15 детей! Хотя многие шли в экспедицию уже в зрелом возрасте. Слово зарядились космической энергией.

— Валерий Петрович, вы суеверный человек?

— Как все люди. Мне кажется, абсолютно несуетных нет. Думаю, в том, что у нас всё получилось, была и доля везения. Нам сопутствовала удача. Плюс хорошая подготовка команды и, конечно, её сплочённость.

Кстати, двадцать лет прошло, но Москва нам до сих пор простить не может, что в том восхождении обошлось без неё. В 2013 году, когда мы приезжали на 60-летие покорения Эвереста, уважаемые люди из руководства федерацией говорили, что красноярцы не были на вершине и придумали экспедицию!

Но наша экспедиция на Эверест остаётся настоящим достижением именно красноярского альпинизма.

— Когда читаешь ваши дневники, впечатление от глав, рассказывающих про Эверест и про экспедицию на Северный полюс, очень разное. Например, разными видятся отношения между участниками путешествий.

— Да, это так. В горы шла команда, в которой все давно знали друг друга по Столбам. Конечно, были и конфликтные ситуации: на таких высотах неизбежны вспышки раздражения. Но грубости не было, и отношения в группе всегда складывались человеческие. Причём не только в группе.

Когда мы жили в базовом палаточном лагере на 5100 м, к нам часто заходили альпинисты из других команд. Некоторые люди приезжают в этот лагерь, где нет ни гостиницы, ни возможности купить еду, неподготовленными. Так вот, иностранцы говорят им: «Идите к русским, там вас накормят»... И действительно, случилось, что мы и на ночлег пускали таких гостей в свои палатки, и кормили.

— Очень интересно читать о бытовых подробностях экспедиции: как спали, что ели, как решали вопросы гигиены...

— В горах в основном, конечно, хочется пить, пить и пить. Нагрузки сумасшедшие, но дело не только в них. На высоте организм ведёт себя иначе. Мы привыкли жить под давлением в 760 мм ртутного столба, а там оно 200 мм. Количество эритроцитов в крови увеличивается. А воздух на-

столько сухой, что всего тебя высушивает. Плюс ветер, который постоянно бьёт по ушам, на зубах скрипит песок. Но с питьевой водой там не всё так просто: если в обед не наберёшь, когда она бежит из ледника ещё светлая, то потом это сделать невозможно. Сплошной грязный селевой поток с камешками, который к ночи превращается в замёрзший коричневый лёд.

А в Арктике лёд зелёный — морской. После торошения льдин верхние участки нагреваются лучами солнца, рассол из них стекает, и лёд становится белым. При растапливании эту воду можно пить.

На Севере необыкновенно красиво, меня всё время тянет туда снова. Нигде нельзя такого увидеть: встаёшь утром, а на небе три солнца. Какое из них настоящее?

— Как вы вообще оказались в трансполярной экспедиции?

— После 1996 года я поехал учиться в Москву на спасателя международного класса, и товарищ посоветовал мне связаться с Владимиром ЧУКОВЫМ, который как раз собирался совершить переход от арктического побережья России через Северный полюс в Канаду, чего никто никогда не делал. Автономные экспедиции на лыжах до полюса и обратно, конечно, уже случались, в том числе со стороны Канады и обратно. Но такого протяжённого похода, как наш, не было.

Мы пообщались с Чуковым, он сказал: «Тренируйся», — и я, хоть никогда и не совершал долгих переходов на лыжах, начал готовиться. В 1997 году мы побывали в экспедиции на Карском море, на Байдарацкой губе.

Поход на полюс требовал больших денег. И если с восхождением на Эверест нам помогали спонсоры, которые нашлись сразу, то здесь надо было добывать средства самостоятельно. Я обратился в спортивный комитет, там отказали. В итоге очень помог директор Красноярского водочного завода Николай ПЛОТНИКОВ: он дал основную сумму. А остальное набра-

ли на Столбах. Ребята, у которых был свой бизнес, внесли в фонд экспедиции кто две, кто полторы тысячи долларов, и необходимые средства были собраны.

К путешествию готовились два года. Подбирали специфическое снаряжение. Весь груз был рассчитан до мелочей, ведь экспедиция планировалась автономная, без помощи с воздуха, и всё необходимое тащили за собой в санях весом 200 кг.

Изначально нас было пятеро, но один до полюса не дошёл. Несмотря на крепкое сложение, он не смог выдержать нагрузки и всё время задерживал наше продвижение. Так что Чуков принял решение отправить его с полпути на вертолёте, когда появилась такая возможность, домой на Украину.

— Трудный был поход?

— Да, четыре месяца при постоянных физических нагрузках по 15 часов и пяти часах сна было тяжело. К физической усталости добавлялось нервное напряжение. Ночевали в палатках, чутко прислушиваясь к каждому звуку. Часто происходили торошения, льдины лопались. А ещё приходили медведи. Перед самым нашим походом в Арктике был случай, когда медведь вытащил парня из палатки за голову. К счастью, съест не успел, отбили, но стресс... Он потом говорил: да, я дурак, у меня и справка есть — меня медведь укусил.

Нам несколько раз приходилось отгонять медведя ракетницами, а один раз зверь шёл за нами следом...

— Сколько дней длилась экспедиция?

— 118. Когда мы уже почти дошли до полюса, нам предлагали в Барнео — это такой «перевалочный» пункт в Арктике, дрейфующая ледовая станция — всё свернуть и улететь, пока была возможность. Чуков, на котором лежала огромная ответственность, был настроен лететь. Экспедиция запаздывала, и на него давили сверху: возвращайтесь, такого перехода никто ещё не совершал, сейчас авиация уйдёт (к тому времени Ан-2 в Арктике

уже не летали), и вы останетесь одни. Если что, корабль будет идти до вас месяц, а вертолёты уже не долетят, поскольку льдины начнут таять.

Интересно, что известный полярник Виктор БОЯРСКИЙ, возглавлявший Музей Арктики, говорил нам ещё раньше по этому поводу: «Если что случится, не переживайте, парни, суньте палку в воду, постучите шесть раз — это сигнал SOS. Всплывёт субмарина. Неважно чья, лишь бы спасла».

Большинством голосов мы решили идти дальше. И Чуков с нами согласился.

Полюс долго нас не подпускал. Льдины всё время отбрасывало, дрейфовали... Полюс — это же некая земля с установленным посередине столбом, на котором написано: до Москвы столько-то километров, до Нью-Йорка столько-то. Это океан, покрытый льдом, под которым 5 км воды и горные хребты. Нас, как назло, постоянно откидывало от цели путешествия. И мы начали уходить на юг. Тогда льдину и стало прибывать к полюсу.

Во время перехода для ночёвок старались выбирать паковые — толстые — льдины. Но был случай, когда при переходе между двумя паковыми нашу небольшую льдину оторвало, пришлось плавать часа два, пока не прибило к «берегу»...

— А как определить вообще, какая льдина паковая?

— На месте быстро этому учишься. Смотришь на горизонт и видишь, где вода. Если где-то летают птицы и собираются облака — значит, там открытое водное пространство. Заранее корректируешь свой маршрут. В конце экспедиции мы практически убежали от таяния льдов, шли по колену в воде.

— Где всё-таки было страшнее, во льдах или в горах?

— Нет такого понятия, как «страшнее». Если бояться, зачем идти? Готовясь к экспедиции, просчитываешь очень многие риски. Ведь что такое героизм? Это когда где-то кто-то что-то сделал не так, не рассчитав своих усилий, и другим приходится исправлять положение, порой даже ценой собственной жизни. В мирное время это часто результат чьих-то просчётов.

Конечно, в арктической экспедиции были неприятные моменты: ты идёшь, а лёд рухнет под тобой... Но включается механизм самосохранения, каждый настроен так, что нужно постоянно принимать быстрые решения, прыгать, делать шаг в сторону.

Экстремальные ситуации в горах и на Севере воспринимаются по-разному. Поднимаясь на Эверест, ты знаешь, что пройдёт неделя-две, и восхождение закончится. А в Арктике полтора месяца живёшь при постоянном росте нагрузки.

В начале путешествия было -50, обморожения, а в конце пути кожа сторала на солнце: в районе полюса такая радиация и отражение, что никакие очки не помогают. Но и к этому тоже привыкаешь. Очень тяжело было во время типичной для Севера пУрги (как там её называют), когда бьёт такой ветер, что очень сложно держать нужное направление.

При этом одежда в Арктике всегда мокрая из-за высокой влажности, испарений. Есть такое понятие «холодовая усталость», когда согреться просто негде. Ложишься спать мокрым, встаёшь мокрым. Носки мы сушили на собственном животе и бедрах.

(Окончание на стр. 21)

Идеалы нам даются для

В Красноярск директор благотворительного фонда «Подари жизнь» Екатерина ЧИСТЯКОВА прилетела на один день ради пары встреч. Благодаря им Красноярский краевой клинический центр охраны материнства и детства, или попросту детская краевая больница, получит поддержку столичного фонда. В перерывах между встречами гостю радостно кружили по городу и окрестностям сотрудники местного благотворительного фонда «Добро24.ру». Тем не менее Екатерина нашла время для встречи с нашим корреспондентом.

— Екатерина, что привело вас в Красноярск?

— Наш фонд «Подари жизнь» много лет помогал федеральным клиникам, но они не могут вместить всех. Поэтому мы решили поддержать наиболее вменяемые региональные клиники. Разослали по регионам предложения сотрудничать, красноярцы откликнулись, и вот я тут. Сегодня встречались с представителями министерства здравоохранения края.

— К чему пришли?

— В перспективе — содействие в приобретении оборудования. Пока пришли к необходимости серии стажировок специалистов детской краевой больницы в московском центре Димы Рогачёва, чтобы ваши медики увидели, как организовано лечение в других больницах. Наш центр Димы Рогачёва когда-то возник благодаря тому, что два врача уехали на стажировку за границу и вернулись с другим видением. Важно, чтобы ваши доктора тоже составили своё мнение, мы не хотим им что-то навязывать. Деньги можно вложить куда угодно и сколько угодно, но ничего не получится, если не будет команды врачей. У нас бы ничего не получилось, не было бы ни фонда «Подари жизнь», ни Федерального научно-клинического центра детской гематологии, онкологии и иммунологии имени Дмитрия Рогачёва, если бы не такая команда.

— А что было критерием вменяемости?

— Когда ребёнка привозят в Москву, по выпискам видно, как его лечили дома — криво или нормально. Как говорит один наш профессор, Александр Исаакович КАРАЧУНСКИЙ, онкология — это горшки. То есть это не только химиопрепараты. У детей, поскольку им довольно часто применяют высокодозную химиотерапию, очень важно соблюсти режим стерильности: правильные еда и питьё, бесконечное мытьё рук и т. д. Потом большое значение имеет ремонт в больнице, из каких материалов он сделан. Вот в Томске на полу лежит кафельная плитка, а у вас — правильный линолеум, который еще и правильно уложен — «корытцем», так что ваши медики со всех сторон молодцы.

Мы уже помогли отдельным детям, за время работы нашего фонда было 54 ребёнка из Красноярского края, на помощь им мы потратили в общей сложности 34 миллиона рублей, из них десять — в Красноярске, 24 — в Москве и Санкт-Петербурге. Это лечение, лекарства, поиск доноров и т. д. В стране вообще трудное время

сейчас, какие-то лекарства исчезают из продажи...

— Так вот на фоне происходящего в стране то, что вы рассказываете, воспринимается как сказка.

— Ну, знаете, помогают-то не всем, как сказали бы в Крыму, стоят за того, кто сам стоит. Мы помогаем сильным, всем подряд нет смысла — в песок всё уйдёт, в никуда.

— Вы впервые в Красноярске?

— Нет, первое знакомство произошло почти 25 лет назад, когда я в Красноярском крае работала в экспедициях. В районе Центрально-сибирского биосферного заповедника, в деревне Мирное. С тех пор ежегодно приезжаю туда в отпуск. Только когда дети были маленькие, мы ездили к морю, да прошлое лето пропустила.

— Сибиряки в отпуск за границу едут, а вы, значит, у нас отдыхаете?

— Я люблю тайгу.

— Я тоже люблю тайгу, но это понятно — я тут живу. А вы родились в...?

— В Москве. Но я ботаник, люблю растения красивые... Известный генетик Тимофеев-Ресовский говорил, что каждый биолог должен быть сначала ботаником или зоологом, очень хорошо знать свой объект, чувствовать, что он любит, что его расстраивает (неважно, мышь это или берёза). А уж потом — быть генетиком или физиологом. Вот я — ботаник. И вообще я северные регионы люблю больше, чем южные. Мне кажется, они честнее. Люди здесь сразу говорят в лоб всё, что думают, мне это близко.

Но при этом Красноярск как город я совсем не знаю. Надеюсь, когда-нибудь задержусь дольше, чем на день, и наконец-то рассмотрю ваш модерн, который пока только мельком из окна авто видела, схожу в краеведческий музей. Красноярск всегда был для меня транзитным пунктом: прыгнуть в самолёт и улететь в Подкаменную или доехать до речвокзала и отбыть в сторону Бора или Бахты, а оттуда — в место моего паломничества, в Мирное. Ваш регион для меня много значит. Я не стала бы тем, кем стала, если бы не приехала сюда когда-то в 19 лет. Не увидела людей, которые занимаются тем, что им действительно интересно, а не просто ходят на работу. И если бы меня не подобрали на берегу реки староверы...

— А что с вами случилось?

— Послали в другую деревню за тридевять земель искать какого-то профессора, которому нужно было помочь. Отправили с неким капитаном, которому было по пути, но по дороге он взялся ловить рыбу, а меня посадил на берег. И вот, пока я там ждала, меня подобрали староверы и быстро довели на лодке до нужного места. С одним из них мы стали общаться, поддерживали отношения. В 1996-м он умер в Красноярске от саркомы. Я думаю, что моя привычка подбирать в Москве теперь иногородних пациентов как раз оттуда — из-за того, что когда-то подобрали меня.

— По образованию вы биолог?

— Генетик, работала в Институте биологии развития им. Н.К. Кольцова РАН, защитила там кандидатскую по генетике.

— Когда?

— В начале 90-х.

— В то время немногие шли в науку...

— Когда я окончила школу, ещё шли: Советский Союз тогда не так очевидно разрушился, особенно для молодёжи. И это интересная профессия — биология, живой мир. Я вот бух-

галтеров гораздо хуже понимаю, мне кажется, это ужасно скучно.

— Всё же генетика — это и сегодня какой-то параллельный мир, а тогда, в 90-х, и вовсе мало кто задумывался об этой области биологии.

— Генетика гораздо ближе, чем вам кажется. Она нас окружает практически везде: и в пищевой промышленности, и в медицине. Особенно — в медицине. И это действительно интересно — как всё устроено внутри у организма.

Правда, через какое-то время ситуация в стране изменилась, и мне, чтобы содержать семью, пришлось уйти в коммерцию. Отучилась на курсах, устроилась в компанию, которая продавала оборудование для клинико-диагностических лабораторий, там удавалось применять и научные знания.

— Вам нравилось?

— Нет, это было скучновато. Вот быть учёным мне нравилось. И сегодняшняя работа нравится — всё время узнаёшь и создаёшь что-то новое, это увлекательно. Поэтому, когда появилась возможность, из коммерции я ушла легко.

— Какая возможность?

— Мы сдавали кровь для одной пациентки, девочки Полины, в Российской детской клинической больнице. И выяснили, что кроме нас, в пятнадцатимиллионной Москве для неё никто не сдал кровь.

— Почему и когда вы стали донором крови?

— Ещё в институте. Знаете, «все побежали, и я побежал»: тогда все сдавали кровь, это было нормально. Моя мама всегда была донором. Потом кому-то из знакомых периодически нужна была кровь, но до Полины я не задумывалась, что это настолько острая и постоянная нужда.

Когда мы повторно пришли сдать для неё кровь, стало понятно, что в Москве есть федеральные клиники, куда приезжают дети со всей России, и им совсем некому помочь, потому что они в чужом городе, вдали от близких. И каждый день есть больной, жизнь которого зависит от того, сдаст ли кто-то кровь. Поэтому мы стали рассказывать людям, что это каждодневная потребность.

— Странная ситуация: много-миллионный город, в котором донорство — это нормально, и вдруг — люди гибнут из-за дефицита крови?

— Ну, сейчас-то это уже не так. А тогда Советский Союз разрушился, и донорская система уже не существовала. В советское время служба крови во многом опиралась на государственные предприятия: дали разрядку, приехала бригада медиков, взяли нужное количество крови. Всё было организовано и отрегулировано в большой административной машине. Потом машина перестала существовать, а служба крови не перестроилась. И медицинские технологии ушли вперёд, потребность в

цельной крови перестала быть актуальной, понадобились компоненты, более сложные технологически не только для того, чтобы забрать эти клетки, но и с точки зрения рекрутинга доноров. Нужно было всё в службе крови перестраивать, а ставить на новые рельсы тогда её было некому, у министерства здравоохранения она была в паучерицах.

— Извините, но вы мало похожи на стереотипного донора с советских плакатов — пышущего здоровьем, румяного...

— Ну да, правильный донор в Америке — это мужчина в возрасте от сорока, а я — российский...

— И у нас правильные доноры — как раз хрупкие женщины с фарфоровой кожей?

— Ну, гемоглобин у меня нормальный, так что всё в порядке. Человеку, который хочет быть донором крови, нужны лишь желание и хорошее здоровье.

— Каких-то особенных условий нет?

— Он должен быть старше 18 лет. Нельзя сдавать кровь тем, кто перенёс гепатит, сифилис или болен ВИЧ. У женщин отвод от донорства — год после родов и три месяца после окончания кормления грудью. Ещё маленький вес тела — менее 50 кг и близорукость больше минус 6.

— А какие-то обязательства донорство накладывает? В образе жизни, например...

— Нет, ничего такого. Считается, что за час до сдачи крови нельзя курить, поскольку курение обладает сосудосуживающим эффектом. И за 48 часов не рекомендуется пить алкоголь. Последняя норма существует только в российских правилах, в итальянских, например, её нет, потому что там другие представления об употреблении спиртного. На самом деле, бокал красного вина накануне вечером препятствием для донорства не является, а вот бутылка водки — уже да. Но в России свои питьевые традиции, поэтому у нас есть такое правило.

— Вы до сих пор донор?

— Да, но сейчас из-за занятости реже успеваю сдавать кровь.

Мы старались рассказывать о необходимости донорства людям, как-то помогать пациентам в быту. Со временем стало понятно, что нужно открывать расчётный счёт, чтобы помощь была эффективной, а не самодельной. Появилась необходимость отчитываться перед жертвователями, а пока мы работали с чужими счетами, оперативно этой информации у нас не было. Как и возможности быстро покупать какие-то лекарства для больных.

Когда решили зарегистрировать фонд, пришлось много читать всего, и российскую литературу, и зарубежную по привлечению и удержанию доноров, приучению их к тому, чтобы сдавать кровь регулярно. Хорошим подспорьем для нас был сайт российских трансфузиологов, который вёл и ведёт до сих пор прекрасный доктор Евгений Борисович ЖИБУРТ. Долго мы буквально наощупь искали пути, но потом стало понятно, как работать.

Нас становилось всё больше, присоединились Чулпан ХАМАТОВА и Дина КОРЗУН.

— Кому пришла в голову идея привлечь к деятельности фонда актрис?

— Никому, актрисы сами прекрасно привлеклись, первый концерт

указания пути

«Подари жизнь» был организован до регистрации фонда. А ещё раньше Чулпан и Дина сами пришли в больницу помогать детям, как и многие другие люди. У нас в больнице были очень активные и открытые доктора, которые привлекали всех, кто мог хоть чем-то помочь, и объединили нас всех вокруг себя.

Увлечение благотворительностью занимало всё больше времени, пришлось из пиара пойти в журналисты. Я работала на «Маяке», делала сюжеты для программы «Адреса милосердия», и это давало возможность свободного графика, журналистские-то материалы можно делать и ночью.

Потом работа фонда всё основательнее входила в мою жизнь. Телефон постепенно превратился в горячую линию по вопросам донорства крови, звонило очень много желающих сдать кровь, почти непрерывный поток звонков в режиме нон-стоп. Совмещать с какой-то другой работой это было невозможно. Стандартный разговор занимал ровно 4,5 минуты. За это время я успевала изложить список противопоказаний, объяснить, как пройти на пункт сдачи крови и ответить на вопросы. Я была диспетчером.

— То есть, несмотря на то, что когда-то желающих сдать кровь для Полины не нашлось, в действительности их было много.

— Да, нужно было только привлечь и организовать людей.

— Как во многомиллионном городе вы привлекали людей?

— Сначала нам казалось, что эффективнее всего будет работать через христианские церкви, поскольку ценность помощи ближнего там вроде заложена. И действительно, если нас поддерживал священнослужитель, люди шли сдавать кровь. Католики охотнее, православные чуть медленнее. Потом мы рассказывали о необходимости донорства крови через интернет-форумы, через СМИ. Хотя убедить СМИ в важности нашей информации тогда было сложно, поскольку считалось, что дефицит крови — это не новость, а значит, неинтересно.

— Как вам удалось убедить журналистов?

— Личными историями, соприкосновением с нашими пациентами. Конечно, не сразу и не всех.

— Привлечение средств для большинства фондов — один из самых болезненных вопросов, как вы его решали?

— С фандрайзингом мы тоже работали методом проб и ошибок. Поначалу казалось, что ивенты и какие-то зрелищные акции — это хороший способ привлечения средств. Со временем выяснилось, что это не так: очень много затрат необходимо на проведение мероприятий, нужны сцена, помещение, звуковая аппаратура, экран, чтобы артисты отказались от гонораров... Себестоимость такого события довольно большая, плюс нужно как-то пригласить людей, не имея рекламного бюджета. Даже если вы будете организовывать в Красноярске концерт ХВОРОСТОВСКОГО, это не так просто — наполнить зал, не имея возможности рекламы события.

Ивенты — довольно сложная вещь. Они хорошо удавались, когда приходил какой-то человек с инициативой и организовывал всё без нашего участия, в своей тусовке — например, какие-нибудь корпоративные аукционы. И постепенно мы отказыва-

Соратники. Чулпан Хаматова, Екатерина Чистякова, Нюта Федермессер и Ингеборга Дапкунайте

лись от этой формы. Например, одна из звёзд российских сказала: зачем я буду в вашу пользу вести корпоратив, который соберёт 5 тысяч евро, если мой стандартный гонорар — 20 тысяч евро. Лучше уж я проведу корпоратив за деньги, а гонорар пожертвую вам, это будет гораздо выгоднее.

— Но такие мероприятия решают ещё одну задачу — с их помощью общественность узнаёт о вашем фонде, о благотворительности в целом.

— Есть гораздо более широковещательные инструменты — те же СМИ и социальные сети. Главное в устойчивости НКО или фонда — это не наличие одного крупного жертвователя, а много людей, которые дают немножко денег, тогда не так страшно в один прекрасный день остаться у разбитого корыта самим и тем более — оставить у него пациентов.

— Что ещё нужно благотворительному фонду для эффективной работы?

— Во-первых, очень простые способы пожертвовать — буквально в один клик или с помощью смс. И тут важно договориться с интернет-провайдерами или операторами сотовой связи, поскольку эти посредники иногда готовы «откусить» в свою пользу до половины пожертвования. Довольно много времени часто уходит на то, чтобы выторговать льготные условия.

Во-вторых, простые способы обратиться к большому количеству людей. Например, через совместные акции с компаниями с большим количеством клиентов. В этом случае вы делаете их аудиторию своей, а они получают какие-то имиджевые выгоды. Но для этого надо зарабатывать себе репутацию. И потом, если эта аудитория к вам пришла и поверила, не уронить доверие, продолжать с ними взаимодействовать.

— Достучаться до людей с призывами пожертвовать деньги конкретным пациентам всё-таки проще, чем убедить жертвовать на

обеспечение работы фонда. Вы же существуете за счёт пожертвований?

— Да, по закону мы имеем право тратить 20% от пожертвований на содержание фонда, в реальности тратим 5%. У нас действительно большой оборот и много сотрудников.

— Сколько?

— Более ста.

— А начинали вы?..

— Галя ЧАЛИКОВА — наш первый директор, я и немного позже бухгалтер.

Большинство вещей, которые мы финансируем, это проекты. Например, мы оплачиваем все анализы всех детей с острым миелоидным лейкозом. Где бы в нашей стране ни жил человек, у него есть возможность прислать в центр Димы Рогачёва пробирочку с кровью для молекулярно-генетического анализа, чтобы верно подобрать терапию. Потому что одних только миелолейкозов семь разновидностей, и каждому нужно своё лечение.

— Часто занятию благотворительностью предшествует какая-то личная история, когда переживается болезнь близкого человека, что стало импульсом в вашем случае?

— Только история Полины, для которой в Москве не нашлось доноров. Меня это потрясло, поскольку было понятно, что всё можно организовать так, как надо, по-человечески.

— Теоретически всё можно так организовать: образование, сельское хозяйство...

— Ну, на сельское хозяйство меня как-то не принесло, а вот чтобы для детской больницы в 15-миллионной Москве не нашлось доноров — это казалось за гранью здравого смысла.

— Люди часто закрываются от несчастья, как же тогда рассказывать истории пациентов?

— Это нормально, я тоже не хочу знать всего. Но можно, рассказывая, нагнетать и давить на слезную железу, а можно ту же историю подать как историю жизни и надежды. У нас есть

старый слоган, ещё с основания фонда, от лица Дины и Чулпан: мы хотим, чтобы дети были предметом любования и восхищения, а не скорби.

— Первая реакция на диагноз — страх, а потом ещё какие-то непонятные и часто болезненные медицинские процедуры. Как всё это объяснить детям?

— У нас есть книжка, которую написал наш доктор, как некий чудик заболел и как потом он лечился. Конечно, дети боятся, даже в том же аппарате МРТ лежать страшно, но если они знают, что чудик такое уже проходил, им проще. Мы к этому пришли благодаря западному опыту, там много такой литературы и для детей, и для взрослых пациентов, и что делать, если ваш близкий заболел, о чём с ним говорить, как его поддерживать и т. д.

Я сама на русский переводила буклет «Что делать, если вашим близким нужны наркотические анальгетики?». Это ведь тоже страшно: а вдруг он станет наркоманом? Какие могут быть побочные явления? Или какие-то простые советы: что нужно его поддерживать под руку на прогулках или на лестнице, потому что может закружиться голова. Жизнь — она же в обыденности. Часть материалов есть на сайте нашего фонда в разделе «Библиоаптека», какие-то материалы я передала для пациентов вашей детской краевой больницы и ещё привезу. Важно, чтобы ребёнок в больнице мог прочитать о том, что ему можно, что нельзя, почему вылезает волосы, вырастут ли они снова.

На Западе больше думают и о том, как ребёнок будет жить дальше. Как можно меньше назначают лучевую терапию, которая повреждает ткани, стараются использовать такие протоколы, при которых было бы как можно меньше повреждений и вообще можно было бы ходить в школу и не ложиться в больницу. Тренд такой: они беспокоятся о качестве жизни во время лечения, и чтобы это не сказалось негативно в дальнейшем. Со взрослыми же онкобольными во всём мире ситуация сложнее, а в России — тем более. Никого не волнует, как такой больной доберётся до больницы на химиотерапию, как и когда он попадёт на ИМРТ, чего это ему будет стоить... И цели у наших и американских медиков разные: наши продлили тебе жизнь на два года, что ты ещё хочешь? В США больного будут поддерживать, пока это будет возможно не в ущерб качеству жизни.

— Что с этим делать?

— Не знаю. Я с детской онкологией пока не могу поладить. Не везде так, как в центре Димы Рогачёва. Есть больницы, в которых не кладут в стационар, обследуют иногородних амбулаторно, а где он будет жить — никого не беспокоит, это их задача.

— Что побуждает людей жертвовать, вообще помогать незнакомым людям?

— Эмоции. Есть разные триггеры: у кого-то это жалость, кто-то хочет пожертвованием отгородиться, мол, возьмите деньги и не рассказывайте мне больше этого ужаса. У меня был другой мотив, я не люблю беспорядок, и мне было важно, чтобы восторжествовала справедливость.

— Вы считаете, справедливость существует?

— Не знаю, но стремиться к этому нужно. Как говорил основоположник теории физиологического стресса Ганс СЕЛЬЕ, идеалы нам даются не для их достижения, а для указания пути.

Александра КАЗАНЦЕВА

Работники ножа и молотка

Так уж вышло, что большинство предложений мастер-классов так или иначе связаны с чем-то умозрительным: нас зовут избавиться от злости и стресса с помощью психологических приёмов, писать стихи, включая левое полушарие, или осваивать техники масляной живописи. На этом фоне выделяются мастер-классы другого порядка, которые появились не так давно, но уже завоевали своих поклонников. Речь идёт о том, что возвращает нас к чему-то исконному — ремеслу, в ходе которого создаются вполне реальные предметы для повседневной жизни. Мы поговорили об этом направлении с Андреем КАЗАНЦЕВЫМ, идейным вдохновителем проекта «Уроки труда».

Мастер-классы «Уроки труда» запустились в июле прошлого года и за это время обросли разными направлениями для взрослых и для детей. «Уроки труда» — это, прежде всего, столярный ликбез, знакомство с инструментами и их возможностями. Фрезер, фуговальный или рейсмусовый станки, циркулярная и ленточная пилы — да мало ли о чём ещё здесь могут рассказать. Все участники проходят инструктаж по технике безопасности, учатся делать правильный чертёж желаемого предмета и «попадать в размеры», пользоваться станками.

В рамках уроков есть несколько мастер-классов, особо полюбившихся горожанам. Во время «столярных интенсивов» они уже делали: кукольный домик, ящик для инструментов, барный стул, винный пенал, комод-шкатулку, даже скворечник (особенно популярная весенняя позиция).

Кроме столярного дела можно пройти базовый курс резьбы по дереву, научившись делать геометрические узоры, и получить уже готовое изделие, будь то разделочная доска или подставка под горячее с нанесённым на них авторским (то есть вашим) узором. Также предусмотрена художественная резьба на гравере — можно получить красивую ложку или гребень. Для детей есть кружок резьбы по дереву — если ребёнку уже есть 9 лет, он может работать с мастером.

«Уроки труда» — проект для тех, кого одолевает непреодолимое желание поработать руками: помастерить, попилить, построгоать, самому сделать полку. Или повысить из дерева, поработать с кожей. Основная проблема сегодня для людей, у которых есть это желание, не столько в отсутствии инструментов (они разные, прекрасные, смотря с полка магазина), а в отсутствии нужных навыков, которые неоткуда почерпнуть.

Интенсивные занятия возвращают нас куда-то к истокам, когда каждый мог забить гвоздь. Если раньше в школе просили принести скворечники, в магазин за ними никто не бежал, отец просто брал в руки молоток, и скворечник был готов через пару часов. Сейчас кажется, что такие знания улетучились из коллективной памяти. «Уроки труда» позволяют понять: нет, некоторые вещи где-то глубоко в нас ещё сидят.

Андрей Казанцев, задумавший и воплотивший идею в жизнь, вовсе не столяр и не плотник, как можно было подумать. Он окончил Институт экономики, управления и природопользования СФУ, сейчас здесь же учится в магистратуре. Он рассказывает, с чего всё началось и почему это нужно.

— Андрей, как пришла идея проведения таких мастер-классов?

— У меня появилась потребность, элементарно захотелось сделать какую-то полочку дома. Но, во-первых, нет инструментов, во-вторых, нет знаний, навыков. У меня уроки труда в школе велись «никак». В-третьих,

желание быть причастным к такому трендовому течению, как DIY-культура (от англ. Do It Yourself — сделай это сам). И я стал сначала искать, где меня могут обучить. Оказалось — нигде. Так обычное желание, которое было тяжело реализовать, вылилось в проект «Уроки труда». У нас было много вариантов названия, даже «Сделай сам», англоязычные версии — «Woody lab», но решили остановиться на «Уроках труда», чтобы люди проще понимали, что это и про что это.

Первый мастер-класс прошёл на базе Строительного техникума на Семафорной. На нём было 3 человека, кроме меня. Мы делали табурет — на самом деле он очень классный!

СПРАВКА. DIY-культура предполагает как самостоятельную работу по дому: ремонт электрооборудования, бытовой техники, изготовление мебели, так и любые действия, которые человек может сделать сам, вместо того чтобы просто потреблять. Сюда можно отнести не только сделанные предметы для домашнего обихода, но и самиздат, даже создание собственного блога. Иногда DIY-культуру называют «культурой самоучки». Культура появилась в Америке в 50-х годах, в современной России набирает популярность с 2000-х. Популярность связывают с двумя моментами: с условиями кризиса, когда умение сделать что-то самому не кажется бесполезным навыком, и с желанием обладать не продуктами массового производства, а уникальными, эксклюзивными вещами.

— Вы к тому времени умели что-то делать своими руками?

— Нет, я пока ничего не умел. Я, признаюсь честно, на первых мастер-классах взял в руки молоток, рубанок, стамеску как первый раз, совершенно не помня, как это делается.

У многих стереотип складывается: если человек этим занимается — он всё умеет. Но я, скорее, соединяю людей, которые хотят научиться этому и которые занимаются этим профессионально.

Найти мастеров, которым интересно делать что-то своими руками и которые могут чему-то научить, сложно, потому что они не афишируют себя, у них на это нет времени, нет и навыка, как это сделать. Я не столяр и плотник, но я могу найти мастеров. Беру на себя функцию организации мастер-класса, чтобы о нём узнавали, на него приходили.

— Сложно найти мастера по столярному делу, по резьбе по дереву? Расскажите про них.

— Есть Игорь и Антон, они занимаются столярным делом. С Игорем мы делали, например, мастер-класс по ящику для инструментов, а с Антоном — по скворечнику. Есть ещё Андрей. Он занимается резьбой по дереву, у него художественное образование. Он сам написал мне, рассказал, что пять лет обучался этому, делал какие-то работы, а потом решил, что это устаревшее занятие. И

вот мы попытались придумать такой курс, чтобы людям было интересно, и актуализировать это занятие. Например, недавно мы проводили мастер-класс в Музейном центре «Площадь Мира» во время музейной ночи. Ребята вырезали профиль Юрия ГАГАРИНА, Дарта ВЕЙДЕРА. Так, у нас порядка 50 человек стояли в очереди за ножами! Мы сами удивились, хотя и предполагали, что многим будет интересно.

— Появились желающие посетить курсы? Сколько сейчас приходит людей?

— Мы запустили курсы на базе техникума на Семафорной. Это достаточно далеко, но на первый мастер-класс приехали даже ребята из Академгородка. За 2-3 недели мы собрали 2 группы на выходные.

А начинали мы год назад, за окном стоял жаркий июль, так что конкуренция у нас была не с другими мастерскими, а с озером Белё и прочими отпусками.

Но с тех пор люди пишут, интересуются, хотят учиться. Мы запускаем мастер-класс, если есть хотя бы двое желающих; 3-4 — это оптимально. Почему не больше? Люди начинают ждать отстоящих, процесс затягивается. А вот 2-3 человека — удобно, можно пообщаться, и времени больше, внимания на детали. Взрослым людям тяжело системно каждую неделю приходить, поэтому мы делаем конкретное изделие (комод-шкатулка, винный пенал, ящик для инструментов), на это требуется либо курс выходного дня, либо вечерний курс в течение недели.

— Название «Уроки труда» случайно к школе апеллирует? Школа, наверное, недодаёт эти полезные навыки сегодня?

— Если вспомнить уроки труда в моём детстве (кстати, не так уж и давно это было — лет 15 назад), так мы делали что-то, условно говоря, на благо школы. Одни делали ножки, другие столешницу — получался стол. Но даже детям было понятно, что всё уже тогда загибалось.

Сейчас урок труда — это урок технологии. По федеральному стандарту образования предмет заменён на «технологии», и кто во что горазд это понимает. Кто-то запикивает инфоматику, кто-то проектную деятельность, где-то учат делать презентации PowerPoint, есть и уроки труда в

классическом варианте. Да, в Красноярске есть школы, где до сих пор выпиливают, вырезают, вытачивают, но из большинства школ это уходит. Так что мы отчасти этот дефицит компенсируем. Сначала у нас были только взрослые курсы, но сейчас есть и детское направление, так что мы и правда «уроки труда» устраиваем.

— Чему именно хотят научиться дети?

— Курс по столярному делу для детей мы только разрабатываем, а сейчас запущена детская группа резьбы по дереву. Хотя там, конечно, больше мамы принимают решение, что вырезать. Но иногда приходят дети и говорят: «Мы хотим вырезать автомат». Вырезаем, например, героев Angry Birds, пасхальных кроликов, детям это интересно, они предлагают своих героев, и мы начинаем отрабатывать технику.

Контурная резьба — это просто, потом будем переходить к более сложным курсам для детей, на 3-6 месяцев. Сейчас детям важно, чтобы они пришли, и уже с первого занятия унесли какое-то готовое изделие. У родителей позиция — дать ребёнку больше разных возможностей; если ребёнку нравится — он остаётся. Детские мастер-классы мы делаем в торговом квартале.

— А во взрослых группах кто косяк аудитория?

— Самое удивительное — к нам приходят девушки. Где-то 80% нашей аудитории — девушки. Парни, наверное, стесняются или думают, что и так всё знают. Иногда девушки дарят своим молодым людям сертификат, и те приходят сделать табурет или прикроватную тумбочку в комнату. Если дети у нас примерно 10-13 лет, то взрослые — где-то 25+, уже закончили вузы.

— Сейчас многие не могут даже правильно в руке держать молоток, а к вам кто больше приходит — кто что-то умеет или совсем ничего?

— В основном с нулевыми базовыми знаниями. Сначала проходят столярный ликбез, это обязательно, а потом берутся за конкретное изделие, с которым проходят от станка до станка. И часто люди удивляются, что что-то можно так легко сделать. Даже простой икеевский столик: там ножки закруглённые, и кажется, это сложно сделать. На самом деле ножки

на фрезере прогоняются, и получается магазинный вариант. Люди просто не понимают, на каком инструменте что можно сделать, но когда они видят, сразу появляется фантазия. У нас как-то 4-часовой курс продлился 8 часов, потому что в процессе изготовления у ребят появились новые мысли, как это сделать.

Есть люди, которые ориентированы на результат, а есть, которые полтора часа будут заниматься шлифовкой, застрянут и будут доводить до идеального состояния, потом ещё морилочкой покроют.

— Как вы думаете, какую потребность люди реализуют на ваших занятиях?

— Первая потребность — сделать конкретное изделие, некоторые ждут конкретного мастер-класса. Вторая — трудотерапия. Когда ты делаешь табурет в течение двух выходных, ты думаешь только о нём и расслабляешься. Я сам проходил эти мастер-классы: есть одна задача, мозг проясняется, наступает отдых. Наконец, получаешь базовые навыки, знания, на каком инструменте что можно сделать.

На днях мы хотим запустить формат открытой мастерской. Когда человеку не нужно ждать группу, подстраиваться под кого-то, чтобы сделать себе барный стул либо шкатулку. Он может просто приобрести себе абонемент на 10, 20, 30 часов в мастерскую и уже с дежурным мастером делать, что хочет. Мастер будет направлять и показывать. Конечно, технику безопасности в начале предстоит пройти.

Открытая мастерская — своего рода общественная мастерская, синхронная с модными сегодня «коворкингами», только для людей, которые хотят сделать что-то своими руками. В данном случае это будет столярная мастерская, где есть полный комплект инструментов и мастер-консультант. Оплачивается только проведённое время в мастерской, как в любом фитнес-центре, например, или в анти-кафе.

— Вернёмся к исходной идее. Зачем что-то уметь делать руками обычному человеку? В мире специалистов всё сделают за нас и наилучшим образом. Разве не к этому мы уже практически пришли?

— Есть вещи, которые проще и быстрее сделать самому, и мы пытаемся это объяснить. Кроме того, что-то хочется сделать под себя, под свой вкус, и это тоже надо подчеркнуть: человек пытается как-то персонализировать свои изделия.

Ещё один важный момент — саморазвитие. Мы же пытаемся освоить игру на гитаре, рисование. Причём уже в том возрасте, когда осознанно сделан выбор профессии. Конечно, это и ради того, чтобы сказать — и я так могу, я это сделал.

А ещё — экологичность. Дерево — экологичный материал, и это ни с чем не сравнить, когда в доме пахнет деревом. Это совсем другие чувства, эмоции, совершенно про другое ты думаешь.

Я как маркетолог могу сказать, что порой люди сами не знают, чего хотят. Им надо предлагать — тогда они восхищаются и дальше уже пробуют сами. У нас был ещё курс по работе с кожей, мы делали браслеты и блокноты; но их в Красноярске можно купить по приемлемой цене, и большого спроса на работу с кожей нет. В будущем, может быть, вернёмся к этому, есть в планах делать и что-то из глины. Но в приоритете пока — дерево.

— Вы единственные в городе занимаетесь подобным?

— Готовые изделия предлагают, а вот что касается обучения — смежные темы есть, но конкуренции нет. Было бы классно, если бы появились конкуренты, которые смогли бы раскачать рынок, чтобы люди понимали — это есть.

— Я слышала, что вы проводили мастер-класс в Новосибирске. Планируете расширять территорию?

— Мы нашли мастера в Новосибирске и запустили там мастер-класс. Конечно, для меня это бизнес-проект, поэтому мы направлены на расширение. Здесь хотя бы какие-то друзья есть, а в Новосибирске вообще с нуля пришлось. Было сложно, 3 человека прошли новосибирский мастер-класс, и мы этому рады.

Есть планы новых мастер-классов. В основном те, кто приходят, довольны и остаются с нами.

Иногда глобальные цели не осознаются, но очевидно, что проект «Уроки труда» выполняет ещё и социальные функции по восполнению базовых навыков, действительно не усваиваемых сегодня ни в школе, ни в семье. И нас интуитивно тянет к природе — дереву, коже, глине; в конце концов, не у всех есть дача.

Узнать о расписании «Уроков труда» можно в группе vk.com/uroki.truda. Там обещают, что, даже если последний раз вы держали в руках рубанок в школе (или не держали вовсе) или не можете отличить стамеску от фрезера, это не беда: через пару часов вас невозможно будет оторвать от рейсмусового станка.

Альтернатива

В Красноярске есть и другие мастер-классы, организаторы которых считают, что конструкторы, изобретатели и инженеры начинаются с первого гвоздя, велосипеда и табуретки. «Мастерская дяди Жени» организована «Твори-Горой» для детей от 5 лет и их родителей. Они вместе приходят на мастер-классы и что-то делают. Важно учиться совместно, ведь некоторые родители сами не знают, как пользоваться инструментами. Цель: вырастить «человека с руками», который сможет забить гвоздь, при необходимости построить дом, а на день рождения с удовольствием получит в подарок набор отвёрток.

Мастер-классы предполагают создание весенних предметов: скворечников, синичников, кормушек (заодно дети узнают о жизни птиц). Ещё делают подарки для родственников и друзей — кому-то нужна шкатулка, кому-то — дом для домашнего животного. Здесь могут научить даже вытачивать балясины.

Но самое интересное направление мастер-классов организовано совместно с парком флоры и фауны «Роев ручей»: дети строят домики, кормушки и игровые площадки, которые «заказали звери». Недавно, например, построили домики для шиншиллы. Всем понравилось, поэтому сейчас будут строить для енотов.

Попасть в «Мастерскую дяди Жени» можно, заполнив заявку. Подробности по телефону 8-950-404-93-66.

Лопата, тачка и сад цветущих

Англичане, известные своим трепетным отношением к возделыванию садов, утверждают, что сад расцветает в тени садовника. И если это верно для англичан, то для нас и недавно. Ведь у них, как они сами говорят, климат-то хороший, вот только погода подкачала. А у нас и климат, и погода, прямо скажем, не очень. И если англичанам достаточно лишь немного потрудиться, то нам и побороться приходится.

Вот и эта весна с её майскими снегопадами лёгкой жизни не обещает. Но готовый ко всему народ полон решимости достойно пробежать короткую дистанцию от поздних июньских заморозков до ранних августовских. И в ожидании старта предаётся смелым фантазиям, разглядывая картинку с фантастически прекрасными растениями. Однако...

«Ах, какая красота» — ещё не аргумент в пользу покупки

Разнообразие великолепнейших растений, что призывно улыбаются нам с фотографий в питомниках и специализированных магазинах, вдохновляют нас не только на подвиги, но и на откровенно опрометчивые поступки. Заворожённые цветущим очарованием, мы если и прочитываем приложенную к картинкам характеристику, то всё же, охваченные жаждой обладания, стараемся загасить в себе сомнения.

И напрасно. Прежде чем приобрести растение, надо подумать, где оно будет жить. Да, именно жить. Тень или солнце, не выдувается ли зимой снег, каков уровень грунтовых вод на участке, каков химический состав почвы? И, конечно, надо хорошо представлять себе, сколько времени и сил мы сможем уделять своим новым питомцам, несмотря на то, что они готовы покориться судьбе молча, без стонов и упрёков.

Всё это надо знать, чтобы в результате немалых усилий и денежных вложений не получить вместо радующего глаз буйного цветения горькое разочарование от понапрасну загубленной жизни. И хотя приобретение растения, может, и не такой ответственный шаг, как решение взять собаку, но всё же...

Лариса Николаевна ТИСОВА, главный агроном компании «Сады Семирамиды»:

— Растений, предлагаемых сегодня питомниками и торговыми центрами, великое множество. Все они, как и люди, разные. Но в отличие от людей их способность приспосабливаться к окружающим условиям жёстко ограничена. А потому, прежде чем идти на поводу у своих желаний, очень разумно поинтересоваться «пожеланиями» растений. Благо сейчас выбор достаточно богат, чтобы «соблюсти интересы» обеих сторон.

Даже такой сложный случай, как глубокая тень с северной стороны дома или ограды, не может быть препятствием для высадки там растений. Всегда найдутся такие, которым полуденное солнце противопоказано и которые способны довольствоваться его утренними или вечерними лучами.

Но ни в коем случае нельзя высаживать в тени цветущие кустарники,

даже если в описании сказано, что они выдерживают затенение. В наших условиях кустарники хорошо цветут только на солнце. Например, везде написано, что для тенистых участков хороша гортензия. Но если вы посадили её в Сибири в тени, не надейтесь на полноценное цветение.

Зато если солнца достаточно, гортензия, в отличие от традиционных наших кустарников, отцветающих довольно быстро, может цвести половину сезона. Замечательное растение. И сортов сейчас очень много — есть из чего выбрать. Надо только при покупке внимательно читать характеристику. Есть гортензии, которые зимуют при температуре минус 25. Но есть и такие, что выносят морозы до сорока. Они выживут и без специального укрытия.

А вообще гортензия довольно теплолюбивое растение. Но дело в том, что она цветёт на побегах текущего года. А значит, если и подмёрзнет немного, всё равно будет цвести. Правда, она не перезимует там, где нет снега и сильный ветер — обязательно вымерзнет. Если же хороший снежный покров, то волноваться не о чем. Можно её подрезать, замульчировать, а весной убрать. Четыре почки весной проснутся, и этого будет вполне достаточно. Она быстро отрастает. И чем старше растение, тем оно лучше отрастает и цветёт.

Проблемы на участке создаёт не только тень, но и излишняя увлажнённость. В этом случае будут уместны мощно растущие деревья, потребляющие много воды. Например, берёза выкачивает за день более двухсот литров. Если убрать растущую у дома берёзу, вполне можно получить подтопление подвала. То же самое можно сказать и об иве. Это красивое дерево прекрасно себя чувствует рядом с бездонным накопительным колодцем ливневой канализации, засыпанным гравием.

Возможна и другая крайность, например, обжигаемый солнцем

южный склон, требующий частого полива. Если разместить там засухоустойчивые растения, то можно значительно облегчить жизнь и себе, и растениям.

Дендроплан: где, что и почему

Как видим, тонкостей много. Чтобы всё это учесть, лучше всего не полениться и сделать дендроплан. То есть составить схему посадки растений, которые вы желаете видеть на участке. Но чем руководствоваться при составлении такой схемы?

Ольга Фёдоровна СМОРНОВА, главный архитектор компании «Сады Семирамиды»:

— Первым делом надо помнить, что сад должен быть хорош во все времена года. И, конечно, всегда держать в голове, каким растение будет во взрослом состоянии. А ещё надо бы знать, какие растения любят друг друга, а какого соседства лучше избегать.

Но и это далеко не всё. Для составления дендроплана надо чётко представлять, какие постройки вы хотите показать во всей красе, а какие лучше прикрыть, и как будут проходить дорожки, соединяющие разные зоны участка. Да и с зонами надо бы определиться заранее — нельзя же на детской игровой площадке посадить какой-нибудь колючий барбарис.

То есть не плохо бы иметь генплан участка. Пусть самый простой, но с обязательным нанесением основных построек, стоянок для автомобилей, дорожек и прочего. Да и про инженерные коммуникации, проходящие

изменений. Сад, повторюсь, должен быть прекрасен в любое время года — это его главное предназначение.

Зимой красоту обеспечат хвойные растения, деревья с оставшимися зимовать плодами, например рябина, и растения с тёмными и яркими ветвями и стволом. Это может быть ива с жёлтой корой или дёрен с красной — вариантов много. Для весны надо предусмотреть раннецветущие кустарники. А летом, помимо цветения, следует обратить внимание на листву. Она может быть светло-зелёной, тёмно-зелёной, красной, пурпурной, серебристой. Есть интересные пестролистистые формы.

Только надо помнить, что яркие красные и пурпурные тона должны присутствовать в виде акцентов. Не надо ими заполнять всё пространство. Это может показаться безвкусным, так как непривычно глазу. (Конечно, если есть большое желание создать некий марсианский пейзаж, не позволяющий гостям и хозяевам расслабиться даже на минуту, тогда это самый подходящий вариант.)

Обязательно надо учитывать, что какие-то растения осенью покраснеют (например, клён татарский), какие-то пожелтеют (берёза). А сирень и вовсе уйдёт под снег зелёной. И здесь тоже лучше не перебрать с красным — это может утомлять.

Вся эта меняющаяся пространственная живопись и должна быть отражена в дендроплане в виде сухих кружочков с названиями растений. Его тогда можно будет читать, как музыкант читает ноты. Представить себе картину в цвете, во времени, в размерах отдельных растений. Это и живопись, и скульптура одновременно. А ещё точнее — театральное представление, которое разворачивается по написанному однажды, но бесконечному сценарию.

Как и сценарий пьесы, дендроплан — не застывшая в своей безупречности догма. Режиссёр всегда волен внести коррективы в процесс постановки. Тем более что при составлении дендроплана какие-то нюансы легко упустить.

Но когда приглашённые согласно сценарию-дендроплану «актёры» в контейнерах попадают на «сцену», можно поработать и с нюансами. Отодвинуть растение сантиметров на двадцать ближе или дальше, взять правее или левее. И при этом всегда держать в голове ту форму и те размеры, что заложены природой в каждое растение.

Кстати, о держании в голове. Надо сказать, что редко какой участок де-

грёз

О. Смирнова

ляется за один сезон. Обычно это занимает годы. В таких случаях дендроплан тем более незаменим. Ведь за годы может многое измениться, и очень полезно, когда всегда под рукой есть закреплённая на бумаге основная идея, держащая все эти изменения под контролем.

Миссия — радовать глаз

Известно, что сад, в отличие от дома, который с каждым годом стареет и ветшает, становится только краше. Но быть красивым он просто обязан уже в первый же год. Как этого добиться? Начнём с самого начала — с посадок.

Лариса Николаевна Тисова:

— Вообще, посадки начинают, как только начинает работать земля, как только в ней оживут все населяющие её микроорганизмы и как только корни растений смогут брать из почвы всё необходимое. Это происходит, когда она прогревается до +5 градусов (хотя некоторым особо капризным растениям требуется +10). При покупке обязательно проконсультируйтесь у продавца или прочитайте характеристику. Особенно, если вам приглянулись какие-то экзоты.

Как известно, высаживать деревья и кустарники лучше до распускания почек. Но если с посадкой несколько подзатянули, и у растения уже начался период вегетации, то и в этом случае ничего страшного не произойдёт, если окружить его заботой, не допуская пересыхания почвы. Для надёжности можно ещё провести и опрыскивание кроны специальными препаратами. Это будет способствовать лучшей приживаемости.

Растениям вообще нужен уход. Тем более когда они осваиваются на новом месте. Даже если их приобрели в контейнере, пересадка для растения всегда болезненна. И если на какое-то время забыть о нём после высадки из контейнера и не поливать как следует, понадеявшись на более высокую приживаемость, то оно, скорее всего, погибнет.

Конечно, и заливать чрезмерно не надо. От переувлажнения происходит закисание почвы и загнивание корней. А это уже грозит растению неминуемой гибелью.

Независимо от того, приобретено растение в контейнере или нет, в первый год надо обеспечить интенсивный прирост корней. Для этого следует уменьшить надземную часть растений. Кусты надо обрезать так, чтобы осталось сантиметр двадцать. Однолетний саженец пло-

дового дерева обрезают до высоты 70-80 см. Он начнёт расти только на следующий год. А вот у кустарников в первый же сезон из каждой почки пойдёт веточка. Правила обрезки при посадке можно найти в Интернете. Правда, там можно встретить и утверждение, что обрезка совсем не обязательна и даже вредна. Так что думайте, экспериментируйте, если есть желание.

Если говорить о плотности посадок, то рекомендуемые расстояния надо неукоснительно соблюдать. Например, расстояние между плодовыми деревьями не должно быть меньше трёх метров. Но здесь всё зависит от кроны взрослого дерева. Трёх метров хватит для колонновидного растения, а вот для рослого экземпляра с раскидистой кроной потребуются не меньше пяти.

О том, как будет выглядеть дерево во взрослом состоянии, тоже можно прочесть в прилагаемой к саженцу характеристике. И это очень важная информация. Если участок небольшой, то лучше сразу отдать предпочтение не слишком высокому растению с компактной кроной, чем потом его безжалостно обрезать, мучая и дерево, и себя. Тем более что сегодня проблем с выбором нет — всегда можно выбрать подходящее по габаритам растение, вполне способное удовлетворить качеством плодов или декоративной привлекательностью.

Но ведь в любом случае, раскидистая будет крона или компактная, высаживаем-то мы тоненький прутик, которому расти ещё лет десять. Как быть? Все эти десять лет любоваться подвязанными к опоре неказистыми подростками? Проблема решаема. Просто в эти пока ненужные деревцу промежутки можно посадить какие-нибудь кусты. Их жизнь короче, чем у дерева, и когда тому потребуются больше места, куст можно выкопать. Тем более что куст при желании и пересадить можно без значительного для него ущерба. Если корни хорошие, он, конечно, поболеет немножко, но приживётся. А вот с деревом такой номер не пройдёт. Значит, деревья всегда надо высаживать на то расстояние, какое им и предписано. Иначе при взгляде на них всякий раз будете вместо радости испытывать досаду.

Красота требует жертв. Но есть варианты

Заплатив при покупке иногда немалую сумму за красивое растение и выбрав, казалось бы, подходящее

для него по всем показателям место, не надо думать, что красота будет нам обеспечена сама собой. Оставим иллюзии — любое растение, даже самое выносливое, требует внимания и заботы.

К тому же есть ещё и такие напасти, как вредители и болезни, способные самым жестоким образом разрушить наши надежды. К счастью, и здесь можно найти компромисс, уверяет Лариса Николаевна:

— Например, вам очень нравится растение, но оно, к сожалению, часто поражается, допустим, мучнистой росой. Что делать? Отказываться? Совершенно не обязательно. Дело в том, что есть виды растений и есть сорта. Допустим, если видовое растение может сильно поражаться каким-то заболеванием, то сорта этого же растения могут быть более устойчивыми. И всё потому, что они искусственно выведены в питомнике селекционерами, которые годы положили на то, чтобы укрепить эту их стойкость. Правда, такие сведения далеко не всегда можно прочитать в описании. Хотя если сорт особо устойчив к какому-либо заболеванию, то это качество обычно стараются подчеркнуть.

Помимо полива, о котором я уже говорила, есть ещё более трудоёмкая процедура — прополка. Если её не делать первые два-три года, то пока растение маленькое и слабое, его просто задушит травой, которая не даст ему развиваться. Это как с ребёнком. Когда малыш подрос, ему уже можно дать чашку-ложку, он и сам поест. А до этого ребёнок совершенно беспомощен.

Но как избавляться от сорняков? Есть разные способы, но пока ничего нового и утешительного о них сказать нельзя. Самый результативный, но и самый трудоёмкий — удаление сорняков с корнем. При этом, хоть это и не совсем эстетично, лучше всего их складывать рядом с растением. Это не даёт земле пересыхать и позволяет обойтись без рыхления. К тому же при поливе все питательные элементы из травы уходят в почву, удобряя её.

Конечно, когда есть риск повредить корни, траву просто скашивают. Если это плодовые деревья, по периметру кроны надо или выкопать канавку, или сделать шурфы на 50 сантиметров для засыпания удобрений. Тогда приствольные круги можно не делать, оставляя дёрн. Шурфов потребуются четыре-пять, в зависимости от размеров дерева.

Частое скашивание способствует угнетению и гибели широколистных трав, таких как одуванчик. А газон-

ные травы от стрижки наоборот лучше развиваются, кустятся. И так получается замещение, приводящее к возникновению хорошей дернины, способной защитить почву вокруг деревьев и кустарников от пересыхания. Вот только следует помнить, что одуванчики надо обязательно убирать, так как их семена имеют способность вызревать, даже когда растение скошено или выдернуто из земли.

Одуванчики, как и клевер, обычно протравливают. Но с гербицидами надо обращаться осторожно. Из газона они, конечно, вымываются, так как его часто и много поливают. Но если не поливать, то гербициды накапливаются и начинается угнетение всех других растений.

Другое, тоже достаточно трудоёмкое мероприятие — это обрезка. Здесь надо сразу сказать, что то безобразие, называемое сегодня в нашем городе обрезкой, никакого отношения к ней не имеет. Это не обрезка, а издевательство. Всё дело в том, что дерево надо формировать с первого-второго года, а не хвататься за пилу, когда оно прожило половину жизни. Только тогда идёт нормальное развитие веток, под нужным углом. Тогда и падать ничего не будет.

Вообще, в обрезке много тонкостей. Здесь надо знать, в какое время какое растение стричь. Например, сирени цветут на прошлогодних приростах, и если живые изгороди из них стричь весной, цвести они не будут. Так что прежде чем приступать к такой радикальной процедуре, как стрижка, надо хорошенько разузнать, когда и как её можно делать.

Конечно, если нет особого желания созерцать безупречную правильность живой изгороди и прочие шары, кубы и пирамиды, то надо отдать предпочтение пейзажному стилю и растениям, которые могут обойтись и без стрижки.

Вот только в этом случае надо помнить, что естественность в искусственных посадках поддерживается... искусственно. То есть обрезкой хоть и немного, но заниматься придётся. А уж если есть плодовые деревья, то и подавно.

Но если говорить об усилиях, то самым во всех смыслах дорогим удовольствием является газон. Мероприятий много: аэрация, вертикализация, подкормка, стрижка, полив. Но если довольствоваться скромным результатом, говоря при этом гостям: «Дети, знаете ли. Нет смысла стараться. Вытопчут», — тогда кое-чем из этих процедур можно и пренебречь. Правда, стрижка и полив всё равно за вами.

Можно поступить и вовсе радикально, засадив газон белым клевером, который допускается стричь раз в месяц. И поливать, соответственно, тоже реже. Правда, за эту простоту и лёгкость можно и поплатиться — клевер исключительно агрессивное растение и способен быстро расселиться по всему участку, стоит немного затянуть со стрижкой. Так что если уж делать из него газон, то надо отделить его от остального сада широкой дорожкой. А ещё лучше площадкой для стоянок автомобилей.

Всеми этими сведениями от агронома и ландшафтного архитектора хотелось просто напомнить, каким увлекательным может быть процесс создания сада и ухода за ним. Тем более — сезон наступил.

Галина ДМИТРИЕВА

Сергей Даниленко: «Это же так скучно»

Наш сегодняшний собеседник чурается известности, застенчив в жизни, лёгок в общении, остроумен в эфире и органичен на сцене. Актёр Красноярского драматического театра им. А. С. Пушкина и ведущий телеканала «Енисей» Сергей ДАНИЛЕНКО — о призвании, импровизации и, конечно, театре.

— Сергей, как, постоянно меняя маски, оставаться собой?

— Мне кажется, главное тут — понимать, что ты играешь, а не проживаешь. Роль — это персонаж, третье лицо, к которому ты имеешь лишь опосредованное отношение. Хотя, возможно, пока у меня не было настолько серьёзных ролей, требующих выкладываться максимально, и эмоционально, и физически не позволяющих отстраниться от героя. Конечно, я устаю после спектакля, как после какого-то физического действия — пробежки, например. Но так, чтобы раствориться в роли — нет. Это больше всё-таки игра. И не стоит об этом забывать, иначе можно действительно с ума сойти.

— А не бывает, что роль меняет вас? Что-то добавляет к вашей личности или, напротив, крадёт?

— Не скажу, что сыграв, например, в «Трёхгрошовой опере» какого-то персонажа, я вдруг понял — хм, я теперь другой. Конечно, роли меняют актёров, так же как и остальные составляющие жизни. Даже читая любую новость, я анализирую её, это подталкивает к определённым выводам, меняющим моё отношение к событиям и т.д. Роль же всегда требует осмысления, порой даже неосознанного, а значит, развивает, меняет.

— Почему вы выбрали профессию актёра?

— Ну, просто нужно было какое-нибудь образование получать...

— Да ладно! Когда люди хотят получить «какое-нибудь образование», они поступают в вузы с минимальными конкурсами, а это точно не про Академию музыки и театра.

— Но ведь практически везде математика нужна! А у меня с ней сложные отношения. Вот гуманитарные науки — это моё. Я человек лёгкий, простой...

Если уж честно, то после 11-го класса не задумывался ни о будущей профессии, ни вообще о жизни дальнейшей... Такие профессии, как актёр или журналист, мне казались невероятно далёкими, чужими и несерьёзными. Вот кондуктор или продавец, предположим, это профессия понятная, с наглядными результатами, там человек выполнил работу и получил за неё деньги. У родителей были рабочие профессии, хотя служили они в военной части. Наверное, поэтому и у меня такое довольно прямолинейное мышление было в этом плане.

— А в школе чем увлекались?

— Кажется, я попробовал все возможные кружки в нашей школе — и спорт, и авиамоделирование, и информатику... Слава богу, что КВН у нас не было.

— Затянула бы опасная трясина?

— Ну да, я наблюдаю людей, которые играли и... это, конечно, не табачное курение, но затягивает не меньше. Мне кажется, я бы мог в это дело угнаться, и тогда моя судьба сложилась бы иначе.

— В какой школе вы учились?

— В 104-й в Подгорном, это под Сосновоборском. Градообразующим предприятием в нашем посёлке был химзавод, военная часть его охраняла. Место очень крутое для жизни: природа замечательная, население небольшое, все знакомы. Это один из немногих городов, где до сих пор можно спокойно отпускать ребёнка одного гулять и не переживать за его здоровье. Такой идеальный инкубатор для выращивания людей, которые вырастают и уезжают в большой мир, большую жизнь.

В школе у нас хорошо была поставлена культурная жизнь, все школьные праздники делали здорово. И свои какие-то номера у меня всегда были. Я готовился: записывал на видео выступления комиков, разучивал их. Телефонные разговоры показывал, даже песни пел, хотя вокалом никогда специально не занимался.

— А почему именно комическое амплуа для себя выбрали? Нравилось смешить?

— С одной стороны — да. С другой, в драматическом я себя не видел тогда, у нас и театральной студии-то не было. А комедия — жанр, востребованный в любой момент и в любой ситуации.

— Как вас принимали?

— Хорошо. Помню, как стою в клубе на сцене в японском кимоно (на самом деле, конечно, в мамином халате). Начинаю монолог, стилизованный под японскую речь. А зал полный, человек сто точно было. И первую свою сцену — в школьном актовом зале — тоже помню. Собственно, там я и познакомился впервые с театром. К нам с гастролями приезжал железнодорожный театр кукол с пьесой «Огниво». И это была единственная моя встреча с театром до первого курса академии.

— Какая несправедливость! Некоторые с детства болеют театром, потом лет десять подряд безуспешно поступают, а тут — сказка какая-то.

— Ну да, есть и такие истории. А у меня всё просто. Уже в 11-м классе учился, когда мама сказала: давай определяйся. А, увидев растерянность, предложила: может, в актёры? И для начала отправила на занятия сценической речью к Владиславу Яковлевичу ЖУКОВСКОМУ.

— Почему именно к нему?

— Немного раньше мальчик из Подгорного уже поступил в академию, а готовился он именно у Владислава Яковлевича. Вот и я пошёл по проторенной дорожке. Хотя страшно было ужас как: я рядом с ним сразу себя почувствовал не просто глупым, а тупым мальчишкой. Он в первую же встречу поразил — речь правильная, интересная, эрудиция невероятная. Как будто интеллектуальным камнем придавил. До этого момента в моей жизни не было людей, которые настолько отличались от привычного камерного мира Подгорного. Правда, был опыт общения с «человеком из телевизора», когда к нам ХЛОПОНИН приезжал на предвыборные дебаты, баллотировавшись на должность губернатора. Он, помню, мне руку пожал, и я так этим гордился. Сейчас смешно вспомнить.

Заниматься у Жуковского было тяжело. Это всё равно, как чинить что-то, не понимая, как оно устроено. Мне нужно было произносить тексты с каким-то подтекстом, внутренней энергией, а я не понимал, как это делается. Не было рычагов, которые возникают в процессе обучения.

— Что вы читали на вступительных экзаменах?

— Отрывок про деда Шукаря из «Поднятой целины» ШОЛОХОВА, басню КРЫЛОВА и какой-то воодушевляющий фрагмент из «Василия Тёркина». Комиссия принимала нормально. Спокойно поступил и учился на платном отделении. Но всё это было так неосознанно... Не жизненный путь выбирал, а исполнял определённую необходимую процедуру. Хотя как раз в творческий вуз нужно поступать, понимая, что ты хочешь. А я... Ну, читал стихи...

— Что бы вы, сегодняшний, сказали тому мальчику?

— Ничего. Он бы всё равно не понял. Нужно было прожить эти годы, измениться. А я даже в первые два года обучения профессией не горел. Но уже были моменты, когда находил в себе что-то: фантазия была развита, и я понимал, как это можно использовать, придумывал необычные этюды. Понимал, на какие струнки нужно надавить у зрителя, чтобы возникал смех. Клоунские в основном были номера. А на третьем курсе произошла влюблённость в профессию.

— Что к этому подтолкнуло?

— Долгая внутренняя работа, которая перешла в уверенность в том, что это — моё, именно здесь я могу себя реализовать. Стал серьёзнее относиться к профессии, и результат появился, благодаря чему и попал в театр Пушкина.

— Как это случилось?

— Пригласили после дипломного спектакля. На благо мне один из ведущих артистов театра тогда по каким-то причинам уходил, и меня взяли на его место. Все его роли достались мне. Хотелось продолжить голосом Малыша: «как и старая жена». То есть я попал на готовое. Конечно, меня вводили в уже существовавшие спектакли, и это было сложно. В некоторых спектаклях, как в «Инь-Ян», были огромные куски текста, там мой персонаж Фандорин красноречив. Ну, такая своего рода закалка была сразу. Мне кажется, у меня получилось влиться в труппу и доказать, что я что-то могу.

— Сколько человек ежегодно выпускает театральный факультет?

— Около 20. На нашем курсе было больше — 30 студентов.

— И куда они идут? Театр им. Пушкина не каждый год принимает новичков в труппу.

— Конечно, нет, это происходит только по необходимости. Не знаю, куда идут. С моего курса в театре осталось меньше половины. Это не плохо и не хорошо.

Образование актёра, мне кажется, всегда может пригодиться любому человеку. Это как минимум набор психологических тренингов, благодаря которым ты раскрываешь себя, свой внутренний мир.

— А если бы была возможность вернуться в прошлое, вы всё равно поступали бы на театральный?

— Да. Единственное, я бы, наверное, поступал в столичный вуз. Хотя Москва — не мой город, живущий в чужом для меня ритме. Красноярск более комфортен в этом смысле: можно многое успевать и для себя, и для отдыха, и занятость при этом плотная. Но в Москве кроме прочего

есть ещё и возможность сниматься, а это важно для каждого артиста.

— У вас вроде есть опыт работы в кино?

— Да, но совсем небольшой.

— Как вас угораздило?

— Поляки снимали в Красноярске фильм. В нашем театре они искали недостающие для массовых сцен костюмы и параллельно отсматривали артистов. Я им подошёл.

Были и любительские проекты — Яна РОМАНЕНКО снимала короткометражный фильм «Нелюбовь», который вроде сейчас идёт на каких-то HD-каналах. У меня там был эпизод, злодея играл. Но фильм я не видел.

— Почему?

— Ничего нового для себя я пока в кино не сделал. Со стороны на себя хочется посмотреть, если понимаешь, что что-то интересное получилось, что-то поймал. Пока этого не случилось. А просто так на себя смотреть вредно, как-то диковато даже. Хотя со временем привыкаешь, сейчас я иногда натываюсь на записи своих эфиров и думаю «о, а тут неплохо было». Но такое редко бывает, чаще я себя не устраиваю. Сначала и вовсе, как у большинства людей, было отторжение того, как звучит свой голос. Сейчас же новый этап — воспринимаю спокойно, мало того, начал им зарабатывать — озвучивать рекламу, серьёзные мероприятия какие-то. Возможно, стану официальным голосом одного красноярского ресторанного холдинга.

— Как вы попали на ТВ?

— В первый раз сразу после выпуска из института в 2007 году. Тогда на «Приме» я год работал в записи, вёл в программе «Детали» кулинарную рубрику с Юлией ЖАРОВОЙ. Интересно было: мы постоянно экспериментировали, придумывали, она меня многому научила, помогала, вообще большая молодец. Когда иссякли, я ушёл, рубрика осталась, но выходила уже в обычном формате. Потом Катя НАДЁЖКИНА пригласила меня на «Енисей». Я отказался: «Три часа прямого эфира? Это невозможно, у меня нет опыта». Но она убедила попробовать, и оказалось, что волнение на мне сказывается благоприятно для ведущего — говорю свободно и много. Ну, и какая-то энергия чувствовалась с экрана. Сейчас уже и опыт появился.

— Прямой эфир интереснее работы в записи?

— Да, это совсем другие ощущения. Но лучше театра для меня ничего нет.

— У вас всё так хорошо и ровно... А хочется провалов, неудач, сильных эмоций!

— Да какое там «равно»! И серьёзные неприятности случаются, и мелкие. И в театре в том числе. Но вот сейчас открылся наш театр после реконструкции, и я понимаю, что это новый виток развития. В том числе и для меня.

— Есть любимая роль?

— Да, чем свежее спектакль, тем более любимая роль. И не только потому, что новая. Интересно, пока само пространство на сцене зыбкое, ищешь и находишь что-то — тут пошутил, тут иначе фразу сказал, образ ещё не цельный, ты его дорабатываешь. А когда играешь в 240-й раз, как «Конька-горбунка», уже сложно что-то новое искать. Это же так скучно — делать одно и то же!

— Как обычно складывается ваш день? Утро начинается с эфира?

— Слава богу, не каждый день, а 2-3 раза в неделю. Тогда — да, в 4 про-

— делать одно и то же!»

снулся, с 6 до 9 часов на эфире, потом репетиция в театре, днём, если получилось, поспал, потом — либо вечерний спектакль, либо свободен.

— **Чем занимаетесь во втором случае?**

— Встречаюсь с коллегами-друзьями. У нас есть свои творческие планы, капустники те же, например. Мне нравится, что сейчас в нашем театре сложился молодой костяк: Стас ЛИНЕЦКИЙ, Ася МАЛЕВАНОВА, Виталий КОЗЫРЕВ, Настя МЕДВЕДЕВА, Лёша ПОПОВ — целая команда. Нам легко вместе, мы ссоримся, ругаемся, но понимаем друг друга, мы на одной волне.

В первый раз это проявилось, когда вместе делали капустник в Доме актёра. Все привыкли видеть один юмор на этой сцене, а тут мы появились с какой-то своей струей: «дерзкая Пушка»! Хотя какая она там дерзкая тогда могла быть, театр находился на реконструкции, скитался по районным ДК. Но мы, максимально от этой действительности уходя, так стебались над собой. Шутили резко и довольно агрессивно, так, как в театре себе не позволишь.

Конечно, старшее поколение в нашем театре в приоритете, имеет больший вес, и мы у них учимся. Но то, что уже формируется смена, это правильно.

— **Что вам мешает в профессии?**

— Я бываю резким. Понимаю, что это неправильно, нужно спокойнее относиться ко всему происходящему.

— **Быть дипломатичнее?**

— Нет, не всегда. Я против недо-молвок. У меня есть своё мнение, которое я не скрываю.

— **А что в профессии вам помогает?**

— Большая часть нашей жизни — это общение. И всегда приятно, когда твой собеседник или оппонент — человек неглупый, понимающий юмор и относящийся к жизни позитивно. Я себя считаю таким. Всегда вижу больше плюсов. Вот закончился дождь, выглянуло солнце, тепло — надо это ловить, а не запариваться на каких-то проблемах.

— **Есть мнение, что артист — это не работа. Ну что там: вышел на сцену, покрасовался, ушёл...**

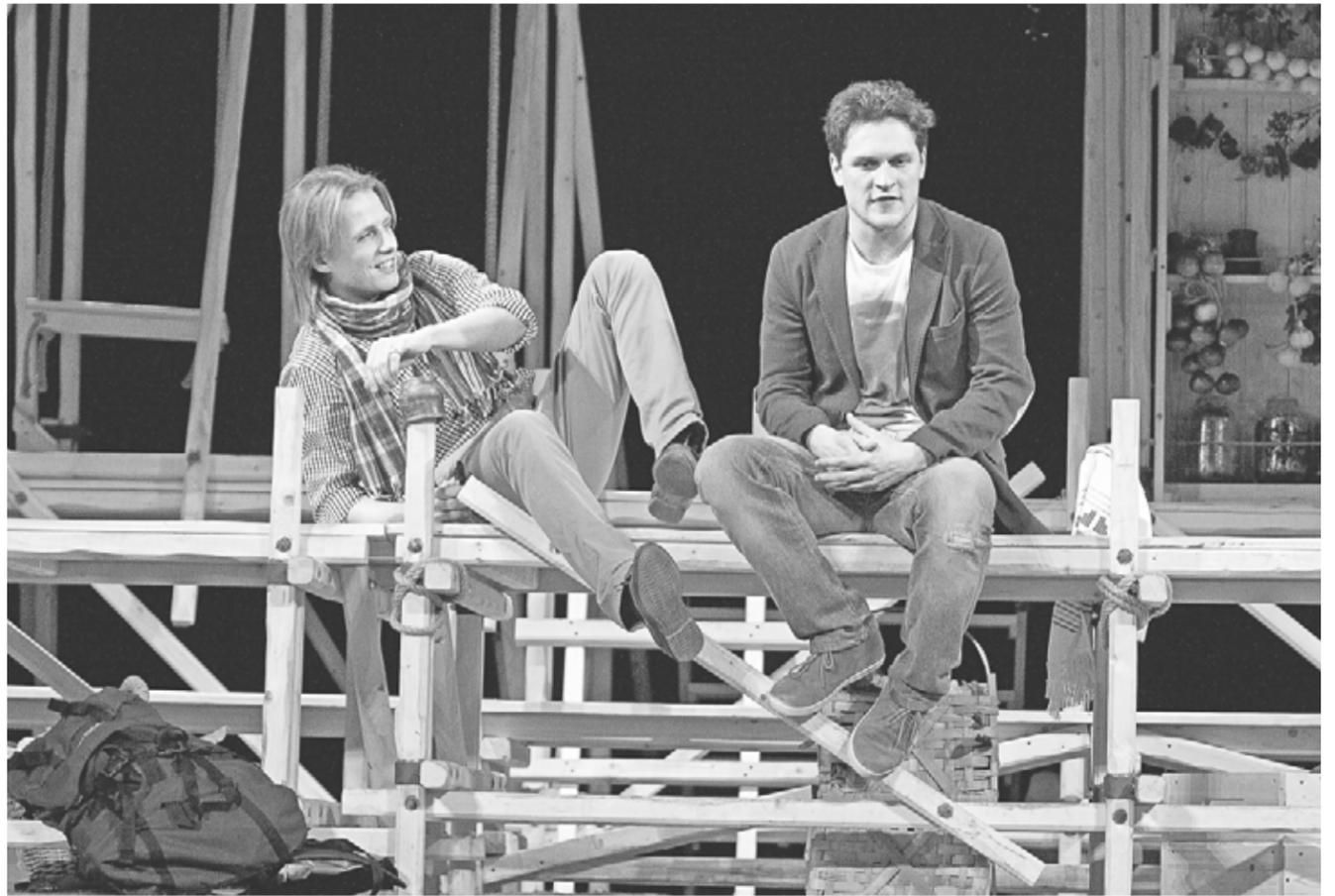
— Я недавно сайт видел отличный для актёров, где было указано «Для людей, которые ходят в театр, как на работу». Да, иногда работой это сложно назвать. Но когда спектакль готовится к выпуску, а у тебя ничего не получается, ты ищешь, не спишь ночами...

— **Когда с вами это случалось в последний раз?**

— В этом сезоне в театре всё было довольно ровно, может, потому что роли были небольшие. А вот когда у тебя серьёзная роль, на которой держится часть спектакля... Как в антрепризном спектакле «Четверо в комнате, не считая охранника», который мы делали с Андреем Ивановичем ПАШНИНЫМ. Работать было и интересно, и тяжело, и страшно. Во-первых, это не просто комедия. Во-вторых, мы всё время на сцене. Непонятно было, как это воспримет публика, казалось, что мы не успеваем к премьере. Вроде получилось. Хотя, конечно, спектакль ещё будет дорабатываться, устаканиваться. Но вот с ним у меня и бессонница была, и прочие радости.

— **И всё-таки артист — это тяжёлая работа, часто тяжёлая физически.**

— Не знаю, я после спектаклей физически сильно не устаю, наверное,

Сцена из спектакля «Вий», Максим Сарпов в роли Дамиана (слева) и Сергей Даниленко в роли Лукаса

пока дури хватает. А вот интеллектуально — да, бывает. Особенно после «Братишек», когда два с половиной часа на сцене говоришь текст.

— **Как вы учите такие объёмы текста?**

— У каждого артиста свой способ. Меня поражают и восхищают люди, которые могут почитать на репетициях, потом дома чуть-чуть подучить — и готово. Это здорово, но у меня по-другому. Мне нужно квадратов сорок в репетиционном классе, чтобы я мог свободно ходить вокруг текста. Прямо реально круги наматывать. Физическое действие мне помогает запомнить текст.

— **Как вы считаете, Красноярск — театральная столица?**

— Скорее, да. И я это связываю с приходом Олега Алексеевича (художественный руководитель Красноярского драматического театра им. Пушкина Олег РЫБКИН — ред.). С ним появились какие-то непривычные для нашего города вещи, некоторые отторгались публикой, но помогли нашему театру не отставать от современных тенденций, не топтаться на месте. А сейчас у нас ещё и перед другими театрами города огромный козырь — реконструкция, всегда же приятно прийти в чистое, обновлённое. Надеюсь, и репертуарная политика будет такой же интересной, как раньше.

Мне нравилось то, что делал Олег Алексеевич: и крутую классику у нас ставили — «Трёхгрошовая опера», «Король Лир», «Таланты и поклонники», «Чайка». И экспериментальные постановки — «Лейтенант с острова Инисмор», а недавно была премьера «Чик. Гудбай, Берлин!». Я сам полностью спектакль ещё не видел, но формат, который был понятен из фрагментов репетиций, мне кажется, очень интересный. Обязательно схожу, когда будет возможность.

— **Красноярская публика не очень готова к театральным экспериментам...**

— Но при этом — очень лояльная!

— **В соцсетях встретила забав-**

ный отзыв, смысл такой: пришли в театр отдохнуть и посмеяться, а эта ваша «Чайка» — страшная нудятина, надеемся, что хотя бы «Дама пик» нас развлечёт. Вас не обижает такое отношение к театру?

— Нет, я к этому отношусь нормально. Нельзя ориентироваться только на интеллектуалов. Мы же не «Театр.DOC», который имеет свою узконаправленную публику. Мы работаем для многих, и это хорошо, что в репертуаре театра есть пьесы Рэя КУНИ. Конечно, лучше бы заранее почитать что-то о пьесе, прежде чем идти в театр, чтобы понимать, чего от неё ожидать, культурный контекст знать.

В то же время у нас есть фестиваль современной драматургии ДНК (Драма. Новый код), который, считаю, дал новый виток развитию театра в нашем городе. Благодаря ему возник театр «Вспышка», где играют люди разных профессий — медики, журналисты, именно после ДНК полюбившие современную драматургию. И «Театр на крыше» также появился.

У людей в Красноярске есть потребность в новом, интересном, необычном, они готовы слушать новую пьесу ВЬРЬПАЕВА — то, чего сами они не стали бы читать и даже думать об этом. Мне кажется, эта публика появилась благодаря и нашему фестивалю.

— **Забавно было наблюдать за публикой в «Театральную ночь», когда со сцены читали «Пьяных» Вырыпаева. Это был, мне кажется, рискованный эксперимент.**

— Да, страшновато было, я переживал очень и остался недоволен тем, как прочитал. Волновался, голос дрожал, всё было непривычно. Но публика воспринимала хорошо.

— **А как вы вообще относитесь к обценной лексике со сцены?**

— Если это оправданно, то и уместно. Но раз законодательством запрещено — значит, нельзя.

— **Как справиться с волнением, выступая перед большой аудиторией?**

— Если человек знает, о чём он намерен говорить первые пять минут, он чувствует волну уверенности. Главное — разбираться в предмете разговора.

— **Импровизации можно научиться?**

— Наверное, да. Просто нужно правильно заточивать свой мозг: тренироваться, в любой момент быть готовым на любую, самую обыденную ситуацию взглянуть по-другому, придумать иной выход.

— **Какой спектакль для вас был самым-самым?**

— «Ночь ошибок» — экспериментальный, молодёжный, на своей сумасшедшей волне, при этом взрослые люди, в возрасте после 50-ти, которым, казалось бы, эта история должна быть чужда, говорили, что в нём молодая энергия, которая им интересна.

— **И всё же в актёры идут люди определённого типа. Вы ведь всегда на виду, вас все знают, здороваются, пытаются общаться... Паранойи не возникает?**

— Возникает. Одно дело, когда ты на сцене, там ты работаешь, и совсем другое — в фойе или в зале со зрителями. Мы тут с друзьями ходили в театр, так у меня такой зажим был, что я не знал, как шагать. И страшно было, и неловко, и потел. Дискомфортно, когда на тебя смотрят. Даже во время эфира на трёхмиллионный край такого стеснения не возникает, как в фойе театра.

— **Есть стереотип, что людей творческих профессий отличает пристрастие к алкоголю, экзальтированность, мечтательность. Насколько это соответствует действительности?**

— У меня есть такой пункт — быть максимально близким с людьми, современным, не уходить в театральность. Быть обычным парнем, про которого могут сказать просто «о, он какой-то творческий».

Александра КАЗАНЦЕВА

Как из науки оперяется бизнес

Доцент Военно-инженерного института СФУ, кандидат технических наук Данил КУДИНОВ возглавляет проект по разработке системы сейсмической аварийной связи в шахтах. В минувшем декабре его компания НПФ «Иридий» — резидент красноярского бизнес-инкубатора — успешно испытала опытный образец на одном из действующих рудников в Хакасии. Удалось передать текстовое сообщение на расстояние свыше 200 метров сквозь горную породу без искажений и с большим запасом мощности.

Образец аппарата, наиболее приближенный к серийному, рассчитывают создать уже к середине этого года. Кудинов рассказывает, сложно ли в России выйти на венчурный рынок с уникальным проектом, почему физику не надо бояться осваивать азы бухгалтерии и зачем в Красноярске научно-технический кластер.

— **Расскажите, с чего всё началось.**

— Мы работали в СФУ в составе группы под руководством профессора Георгия Яковлевича ШАЙДУРОВА, это был мегагрант по теме: «Совершенствование импульсной невзрывной технологии сейсморазведки для поиска углеводородов в Восточной Сибири». Проект состоялся, после чего мы немного сменили вектор, начали заниматься звуковыми волнами в целях решения не только задач поиска полезных ископаемых, но и медицины, и связи и т.д. Мы же рады, поэтому во многих областях стоимся. (мы как радиоинженеры способны работать в довольно широкой области знаний).

Технология, которую мы сейчас продвигаем, действительно уникальная: связь специального назначения, связь через горные породы, через морскую воду. То есть там, где привычные радиоволны не распространяются и очень быстро затухают. Надо работать на низких частотах, а это очень большой размер антенн, в шахту не затолкаешь: длина антенны может достигать нескольких километров. Ну, и мощность соответственная требуется.

Другой вариант — наш: уходить на сейсмические волны. Как показала практика, это возможно. Моряки так и работают — гидроакустика. Что ещё интереснее, технология красноярская: Центральное конструкторское бюро «Геофизика» занималось этим с 70-х годов, научную школу заложил удивительный учёный Геннадий Фёдорович ИГНАТЬЕВ. Постепенно в 90-е годы, когда предприятия стали закрываться, из ЦКБ «Геофизика» выделилось предприятие АО «Радиус». Оно много лет передавало сигнал через горные породы при помощи радиоволн. А затем у них возникла чисто рыночная потребность, когда они выходили на экспорт, сделать обратный канал связи. Они всегда передавали сверху вниз, шахтёрам. А в Китае им поставили задачу: сделать канал, чтобы можно было передавать информацию и туда, и в обратном направлении.

— **И они вышли на вашу группу?**
— Просто у нас с ними были дав-

ние взаимоотношения. Они дали нам какие-то совсем небольшие деньги, чтобы мы взамен сделали им научное обоснование обратного канала связи. А так как мы уже занимались сейсморазведкой, то предложили такой подход. Им эта идея понравилась. Дальше — больше: мегагрант закончился, нужно было дальше искать финансирования. Понятно, что малому инновационному предприятию, небольшому научному коллективу трудно здесь, в крае, найти какие-то большие деньги, поэтому нам пришлось окупиться в эту работу целиком. Мы выделяли на эти исследования средства из сторонних источников: где-то Российский фонд фундаментальных исследований финансировал наши проекты; я выиграл президентский грант, вложился. Так что вели разработку, можно сказать, в инициативном порядке. А затем нам подсказали способ: открыть своё предприятие и привлечь деньги венчурных фондов. Цель — выход на рынок и тиражирование этой технологии, масштабирование бизнеса.

— **Не страшно было выбираться из университета в бизнес-среду?**

— Конечно, были сомнения поначалу, стоит ли игра свеч, не стоит, получится — не получится. Мы же никогда этим не занимались! Когда ты в университетской среде, то там всё протекает более размеренно. Гранты осваиваешь, преподаёшь... А здесь темп просто неоспоримый. Надо заниматься поиском инвестиций (потому что продажи, понятно, сразу не идут, технология новая), поиск партнёров, поставщиков и так далее. Много вещей, связанных с маркетингом. Кроме того, предприятие должно функционировать. Это и какие-то накладные расходы, и бухгалтерия. Во всё это приходится самому погружаться, потому что бухгалтер — нанятый специалист, и директор должен быть в курсе всех этих вещей. В общем, у нас стало получаться.

Хотя первых результатов мы достигли не сразу, успели покататься по разным шахтам. Долгое время не выходило передать сигнал. Вроде теоретически должно быть, а фактически — нет. Были трудности, искали ошибки. Постепенно пришли к оптимальной конструкции. Когда в конце 2015 года провели успешные испытания, показали результат нашим потенциальным заказчикам. Им понравилось, они вложили уже свои собственные средства — несколько миллионов рублей. Вот сейчас Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере, скорее всего, поддержит продолжение на-

шего проекта на условиях того, что инвестор вложится равнозначным образом.

— **Каковы ваши дальнейшие планы?**

— Мы хотим здесь, на территории Красноярского края, организовать кластер по связи и навигации. И привлечь деньги Минпромторга, Минэкономразвития, Министерства образования и науки. То, что технология красноярская — этим надо пользоваться! Любопытно: есть в Екатеринбурге фирма, которая делает аналогичную систему, и это наши земляки. И в Австралии фирма, которая подобными вещами занимается, и они, как ни странно, тоже выходцы из Красноярска.

В общем, мы получили серьёзную поддержку от краевого правительства, там одобрили создание кластера. Рассчитываем на то, что в его рамках нам удастся привлечь больше бюджетных инвестиций, чтобы технологию поставить на крыло и обеспечить экспортный потенциал, совместно с «Радиусом». Сейчас на зарубежную выставку собираемся, в США. Сами бы не потянули, но тут платить придётся только за билеты и проживание, потому что участие нам оплачивает Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере.

— **А университет — это пригодная стартовая площадка для выхода на рынок?**

— Есть малые предприятия при университетах, но мне кажется, что это всё-таки не задача вуза. Его задача — порождать в своих стенах науку. Сейчас много других средств поддержки, и не обязательно на шее университета сидеться. Есть бизнес-инкубатор, фонды, венчурные компании. Хотя о таком явлении, как бизнес-ангелы, в России можно только мечтать, конечно.

Что может вуз дать? Если, скажем, потребовалось радиозаводу научное обоснование новой системы связи — тогда да, они могут обратиться в университет, заключить договор. Разработать технологию — возможно. Но чисто бизнесом заниматься... Не думаю. Хотя есть хороший пример — это Массачусетский технологический университет. Один из самых крупных мировых венчурных инвесторов. Наверное, нужно перенимать такой опыт.

Но всё же университет — слишком большая структура. Бизнес-инкубатор в этом плане гораздо более мобилен. Допустим, подписание каких-то бумаг, согласений может потребовать в университете долгих многоступенчатых согласований. Так что надо всё-таки немножко обособиться. И очень часто не хотят те же венчурные фонды с тобой сотрудничать, если в учредительном капитале есть федеральная собственность. Они даже разговаривать не будут.

— **Как думаете, можно вообще обойтись без бюджетных денег, продвигая на рынок свою разработку?**

— Мы изначально начинали с фундаментальных вещей. И на этом этапе очень трудно заинтересовать инвестора. Особенно в России. А вдруг не получится? Тем более речь идёт о промышленных технологиях. Частный бизнес в них заинтересован мало. Очень легко на посевной стадии заинтересовать инвестора, например IT-проектами. Биотех, говорят, хорошо идёт. А к промышленным технологиям настороженно относятся и сразу хотят видеть какой-то результат. «Покажите, что ваша на-

сосная станция чем-то лучше, чем та, которая уже существует». Хотя бы на уровне макета.

Так что, может, и можно было бы обойтись без бюджетной поддержки, но тогда нужны какие-то отчаянные инвесторы. Чтобы взять кредит и рискнуть... Это действительно должен быть предпринимательский талант. Таких, я думаю, от силы процента два, может, пять.

— **Политика импортозамещения как-то повлияла на востребованность вашего проекта?**

— Конечно, это даёт нам какие-то конкурентные преимущества перед западными компаниями. Конкурентов вообще немного, но и рынок уже сложившийся. Есть очень мощные игроки, такие как Локхид Мартин, который производит истребители, они тоже занимаются этими технологиями. Китай очень активно сюда лезет.

Но в Красноярске хорошая научная школа, это даёт нам большой запас прочности. Правда, есть и большая проблема — разрыв в образовании, который произошёл в 90-е.

Людей в возрасте 40-50 лет в команде практически нет. Поэтому у нас научному руководителю 80 лет, а мне 30. И фактически в коллективе я сейчас самый старший. Чувствуется недостаток людей, способных брать на себя ответственность, с лидерскими качествами.

— **А не сложно было освоить навыки администрирования, приобрести финансовые и прочие компетенции?**

— Знаете, когда это сложно? Когда ты сидишь на всяких курсах у бизнес-тренеров. Ничего не понятно! Но как только ты начинаешь делать, погружаешься в это, то всё получается. Не надо ничего бояться, всё решаемо. В крайнем случае можно кого-то взять на аутсорсинг.

И в этом плане КРИТБИ хорошо помог. Первое время тебя ведут — скажем, открываешь фирму, и у тебя бесплатный бухгалтер, а это очень важно. Потому что даже отчётности вести — для человека, который понятия не имеет, как это делать, тяжело. Юридическое сопровождение тоже было бесплатное. Повторюсь, бояться этого не надо. Если есть какие-то идеи, то нужно их реализовывать, и лучше жалеть о том, что сделал, чем о том, что не сделал.

— **Не придётся выбирать между наукой и бизнесом в какой-то момент?**

— Сложный вопрос. Сейчас нам пока интересно работать, интересно сделать дело. Если это пойдёт в серию... не знаю. Наверное, я бы предпочёл как человек, имеющий какой-то опыт, наладить на предприятии серийное производство, а самому отойти в сторону, создать инжиниринговую фирму, которая бы в том числе и для этого предприятия поставляла какие-то услуги, научно-техническую продукцию. Всё-таки наука мне пока что ближе.

Евгений МЕЛЬНИКОВ

Сквозь музыку парада

У моего отца было три любимых пластинки: «Лидия РУСЛАНОВА», «Жанна БИЧЕВСКАЯ» и «Военные марши и вальсы духового оркестра». Русланову и Бичевскую он слушал растроганно, подперев щеку, а вот когда звучали «Амурские волны» или «На сопках Маньчжурии», всегда норовил пригласить маму «на тур вальса».

Отец и многих людей его поколения давно нет, но мне повезло познакомиться с молодым ещё человеком, для которого произведения Ильи ШАТРОВА и Василия АГАПКИНА, написанные в прошлом веке, столь же хорошо известны и любимы. Хотя причина понятна: капитан Артур ГАРИФУЛИН — дирижёр военного оркестра.

— Артур, а кем вы хотели быть в детстве: военным или музыкантом?

— Музыкантом.

— Мальчишек в музыкальную школу обычно загоняют. У вас, видимо, родители музыканты?

— Нет. Я родом из Кемерово. Папа — шахтёр, мама проработала всю жизнь в магазине, брат — в строительстве, старший брат — капитан корабля. Никто и никогда с музыкой в нашей семье не был связан.

— А у вас это откуда?

— Во втором классе к нам в школу приехал духовой оркестр и давал концерт. Мне очень понравилось. И потом Николай Яковлевич ЮШИН, заслуженный работник культуры РФ, руководитель детского духового оркестра «Ритмы юности» пришёл к нам в класс и спросил, кто хочет заниматься на духовых или ударных инструментах. Я и ещё несколько человек согласились.

— Что выбрали — трубу?

— Он выбрал. Как специалист, Николай Яковлевич подсказал то, что мне больше подходило, и этим инструментом оказался тенор.

Но сначала был подготовительный класс, потому что на духовых инструментах рекомендовано играть с 10-12 лет. Это большая нагрузка на органы дыхания, брюшные органы, на губной аппарат; очень много моментов, которые не позволяют с раннего детства заниматься.

— И эти трудности не отбили желание?

— Нет, всё же было постепенно. Сначала я просто ходил два раза в неделю на занятия, и это был скорее рассказ о музыке, что-то вроде теоретической подготовки. Потом Николай Яковлевич начал давать мне мундштук...

— Приспособление для курения, что ли?..

— Нет, это такое приспособление, через которое идёт звукообразование. Человек может интонировать голосом, а музыкант через мундштук, когда идёт поток воздуха, производит звукообразование, звуковедение, образуются ноты, фразы, мелодия.

— Сколько вы учились?

— Чтобы стать дирижёром, я учился 6 лет в музыкальной школе, 4 года в училище и 5 лет в вузе, итого — 15 лет. И, кстати, продолжаю учиться, саморазвиваться, потому что в профессии дирижёра очень важен опыт работы, умение быть руководителем, психологом и командиром.

— Когда музыка пересеклась для вас с военной стезей?

— Один из выпускников нашей школы поехал поступать в Москву в Суворовское военно-музыкальное училище. Благополучно поступил, отучился (он играл на трубе), уже 15 лет живёт во Франции, закончил парижскую консерваторию.

— И по его примеру вы тоже поехали учиться в Москву?

— Да. Это то самое училище, единственное в России, чьи барабанщики открывают Парад 9 Мая в Москве.

— Трудно было поступить, большой конкурс?

— Огромный, порядка 10-12 человек на место. Да и учиться было трудно, у нас набор был 60 человек, а выпустилось всего 30.

— А в чём заключался экзамен?

— Во-первых, специальность. Это игра на своём инструменте, где надо было исполнить два разнохарактерных произведения — быстрое и медленное, в музыке его еще называют кантиленой.

Дальше — сольфеджио, где проверяют слух, ритм. По этому предмету мы писали диктант: на фортепьяно играют ноты, а ты должен все их на нотный лист записать.

Потом — собеседование, где могли спросить что угодно в пределах музыкальной и общеобразовательной школы. По русскому языку — изложение. И физическая культура, потому что училище военное.

— Дисциплина жёсткая?

— Четыре года жили в казарме. И всё по законам армии: строевая, огневая, физическая подготовка, радиационная и биологическая защита, суточные наряды и даже патруль по военному городку.

— Стрелять, значит, вас тоже учили. Из чего?

— Из всего. И я довольно неплохо стреляю — последнюю проверку сдал на отлично. От армии ничем не отличалось: командиры рот, воспитатели — все были офицеры.

Дальше поступил на военно-дирижёрский факультет Московской государственной консерватории им.

П.И. Чайковского, который впоследствии был присоединён к Военному университету МО РФ; в настоящее время называется Военный институт (военных дирижёров) Военного университета.

— Значит, и там жили в казарме? Москву-то видели?

— Не только Москву: мы ездили на гастроли в Швейцарию, Германию, Австрию. Другие курсы — в Австралию, в Шотландию. Каждый курс — это свой оркестр. И каждый делает что-то своё: плац-концерт, дефиле, концертную программу...

— Жалко, когда распадается готовый оркестр...

— Жалко, но дирижёры выпускаются лейтенантами и уезжают по распределению в военные оркестры по всей России от Калининграда до Владивостока. Я попал в Красноярск в 2009 году.

— Что подразумевают задачи военных оркестров?

— Обслуживание воинских ритуалов, повседневной жизнедеятельности войск; обеспечение мероприятий гарнизонной и караульной службы (похороны, парады, возложение венков и т.д.) и практически все области культуры, где предусмотрены какие-то церемониальные действия.

— А чем отличается военный дирижёр от невоенного?

— У меня как начальника военно-оркестровой службы нашего красноярского соединения войск Национальной гвардии РФ, помимо музыкальной, очень много административной работы, боевая подготовка.

— Так дирижировать не отучитесь?

— Конечно, музыкой всегда тянет заниматься больше. Но хочу сказать, командование на нашу работу смотрит положительно и даёт нам возможность совершенствоваться. В феврале мы участвовали в фестивале «Афганский ветер» к годовщине вывода войск, и наш оркестр получил Гран-при этого конкурса; в 2012 году мы были лауреатами 1 степени смотря-конкурса военных оркестров СФО.

— Для кого и как часто вы играете?

— Мы выступаем не только в воинских частях соединения, но абсолютно на разных площадках как городского, так и краевого значения. Выступления военного оркестра делятся на 4 вида. Это в первую очередь обеспечение воинских ритуалов,

обеспечение культурно-массовых и спортивных мероприятий, концертов. И показ плац-концертов. По сути плац-концерт — это выступление военного оркестра, однако произведения музыканты исполняют в движении, с элементами шоу. Полгода назад в оркестре появился солист, лауреат российских и международных конкурсов Алексей ОРЛОВ, и мы стали исполнять больше песен. Люди их лучше воспринимают.

— Что входит в обязательный репертуар военного оркестра?

— Музыка воинских ритуалов и перечень произведений, которые мы должны знать наизусть, хоть ночью нас разбудит. Тот же Государственный Гимн Российской Федерации. Развод караулов. Общеполковая вечерняя проверка «Красная заря». Строевые и встречные марши, фанфары, туши.

— Кто выбирает остальной репертуар и как его можно разнообразить?

— Репертуар — прежде всего личный выбор дирижёра. А что выбирать — зависит от тенденций времени и от события. Мы играем абсолютно всё: и классику, и военно-патриотическую тематику, и эстрадную музыку, даже джаз. Иногда играем просто в парках. Там наша основная публика, она и самая благодарная — бабушки и дети. Они танцуют под нашу музыку, поэтому стараемся больше исполнять вальсы, танго, фокстроты.

— Что вы предпочитаете слушать «не по работе» — классику?

— Я всё слушаю, и рок классический люблю («ДДТ», «ЧАЙФ», «Арию», группу «Браво» и т.д.). Музыка вообще многогранна, и я как музыкант-духовик играл даже в курсантском биг-бэнде. Но, конечно, и на концерты красноярской филармонии постоянно хожу.

— Наш симфонический оркестр на уровне?

— На мой взгляд, с приходом нового дирижёра Владимира ЛАНДЕ оркестр вырос, зазвучал по-новому. И слушателей, кстати, прибавилось.

— А какие у вас наиболее яркие впечатления от выступления какого-либо оркестра?

— Лично я лучше оркестра «Мариинки» Валерия ГЕРГИЕВА ничего не слышал. Когда он в прошлом году в рамках Пасхального фестиваля к нам приехал, я буквально не хотел уходить из зала, хотел слушать и слушать... Не насытился.

Валентина ЕФАНОВА

Собираемся в лето

В чём обаяние самостоятельных путешествий? Почему Сибирь интереснее Таиланда? Что нужно сделать, чтобы попасть в необычные места и чем интересно общение с местными жителями? В преддверии летнего сезона Анна ГРУЗДЕВА, автор и куратор проекта «Сибирь и точка», и её коллеги делятся советами о том, как организовать самостоятельное путешествие по Сибири, которое запомнится на всю жизнь.

Выберите Сибирь

Совет. Очень часто для своих путешествий мы выбираем Таиланд, Вьетнам, Сочи, Европу и недооцениваем туристический потенциал сибирских регионов. А между тем у нас есть всё для отличного и интересного отдыха: горы и чистый воздух, озёра и пляжи, леса и кемпинги, реки — для сплавов, города — для знакомства с достопримечательностями и архитектурой. Возможно, экономический кризис — это повод пристальнее взглянуть на карту Сибири и выбрать место, самостоятельное путешествие в которое сделает лето незабываемым.

История. Один из самых красивых и интересных сибирских регионов, где мне удалось побывать, — это не Республика Алтай, не Хакасия, не Иркутская область (хотя все они по-своему прекрасны), а Забайкальский край. Он находится дальше, чем большинство популярных с туристической точки зрения регионов, поэтому доезжают туда не все. Юг Забайкалья — это Даурский заповедник, подарок для тех, кто любит спокойные степи, природу и животных. В заповеднике можно покататься на велосипеде, понаблюдать за редкой антилопой дзерен, которая водится только в этой части России, полюбоваться на скалы Адон-Челон.

Но истинная жемчужина Забайкалья — это, конечно, пустыня Чарские пески и горный хребет Кодар, расположенные на севере региона. Не будет преувеличением сказать, что таких мест в мире почти нет. Представьте, в одном месте есть и высокие горячие барханы, и тайга с комарами, и виды

на снежные горные шапки... Настоящий клад для ценителей красоты, и особенно — для фотографов.

Для краеведов и историков — путь выше, в Мраморное ущелье горного хребта Кодар, где сохранились остатки БорЛАГа, в котором в 1950-х годах заключённые добывали уран. В этом месте до сих пор сохранились бараки, штольни, тачки, колючая проволока.

Для любителей спортивного туризма — ещё дальше, в горы, к пику БАМ, одному из самых высоких в Сибири.

Цитата. Сьюзен ЗОНТАГ: «Я ещё много где не была, но это в моём списке дел».

Книга. Йен ФРЕЙЗЕР «Путешествия по Сибири».

Станьте режиссёром своего путешествия

Совет. Когда мы покупаем туры, организованные кем-то, то чаще всего у нас всё включено: завтраки, обеды, ужины, приключения, впечатления, общение, перемещения... Всё спланировано так, что случайным событиям и людям сложно пробиться сквозь жёстко выстроенный сценарий поездки. А ведь эти случайности нередко и становятся самыми интересными и запоминающимися, их хочется вспоминать, ими хочется делиться с близкими и друзьями. Поэтому однажды стоит попробовать стать режиссёром собственного путешествия: отказаться от туроператоров и довериться интуиции в выборе места, траекторий передвижений и попутчиков.

История. Одним из первых мест на севере Красноярского края, куда мне посчастливилось попасть, стало небольшое село Ванавара, недалеко от которого пролетел так называемый Тунгусский метеорит или, как говорят эвенки, «тунгусское чудо». Это было совершенно неизвестное мне место на карте, про которое в Интернете было не так много информации (в отличие от научных и псевдонаучных статей про метеорит), поэтому я решила ничего не планировать заранее, а действовать по ситуации.

Я прилетела в Ванавару в октябре, в это время на севере уже стояли минус 30°C. Ходить по деревне, где нет кафе, тёплых остановок и магазинов на каждом углу, было довольно экс-

тремально, поэтому я решила, что буду навещать музеи и те организации, где мне смогут побольше рассказать о селе и местной жизни. И где, возможно, я найду хорошие приключения.

В один из дней я отправилась в офис Тунгусского заповедника, чтобы узнать у научных сотрудников про теории о том, что же могло пролететь или взорваться над местной тайгой. Меня приняла директор. Через час разговора о заповеднике она спросила: «Хочешь поехать к нам на кардон?». И в следующие три дня я успела съездить на буране, посмотреть Тропу Кулика — дорогу первого исследователя метеорита, попробовать максу — печень налима, приготовленную местным рыбаком, и увидеть диких северных оленей.

Цитата. Курт ВОННЕГУТ: «Необычный план путешествия — это урок танца, посланный Богом».

Книги. Брюс ЧАТВИН «В Патагонии», «Тропы песен».

Общайтесь с местными жителями

Совет. Можно долго комфортно и беззаботно путешествовать по Сибири — от турбазы к турбазе, от кемпинга к кемпингу, от гостиницы к гостинице, но так никогда и не почувствовать духа того или иного региона. Потому что он скрывается не в придорожных шашлыках и даже не в краеведческих музеях (похожих один на другой), он — в людях. Поэтому самое лучшее, что может подарить себе путешественник в Сибири, — общение с местными жителями.

Сегодня, когда мы не выпускаем из рук гаджеты, нам кажется, что мы всё знаем про соседнюю Хакасию или Туву, про популярный Алтай или Бурятию, но чаще всего это не так. Сибирь огромна, и чтобы хоть немного понять особенности наших регионов, нужно общаться с теми, кто встречается нам по время путешествия. Или — искать встречи. Только так можно прикоснуться к незнакомой культуре и расширить свою привычную картину мира.

История. Одна из самых особенных для меня встреч с местными жителями произошла на Алтае. Вместе со знакомым гидом мы поехали на рыбалку в долину реки Юстыд, к самой границе с Монголией — пла-

нировали отдохнуть полдня перед предстоящими съёмками казахской свадьбы. Но нашли себе новый объект. Оказалось, что летом в долину приходят казахи и алтайцы пасти скот: коз, лошадей, овец. Они живут в юртах и изредка выезжают в соседний Кош-Агач за продуктами. Мы остановились у юрт двух казахских семей, познакомились с хозяевами и спросили разрешения пожить рядом с ними в палатке несколько дней и понаблюдать за тем, как они ведут хозяйство. Нам не отказали.

В последний день нашего пребывания в долине Айжанат, хозяйка одной из юрт, сказала, что хочет угостить нас своим сыром. Было уже довольно поздно, но, зная, что для казахов гостеприимство — это важно, я приняла приглашение зайти в гости. В юрте было темно, единственным источником света служила печь в самом центре. Дети Айжанат спали, а муж ещё был на улице — привязывал скот. Время от времени я что-то спрашивала хозяйку, а она отвечала на неуклюжем русском.

Айжанат рассказывала про то, что весь год они с мужем ведут кочевой образ жизни, меняя летнее пастбище на осеннее, а потом на зимнее. Их дети в это время учатся в посёлке, к родителям они приезжают только на каникулах. Рассказала, что некоторым семьям, занимающимся скотоводством на Алтае, порой бывает сложно купить муку или сахар — времена в регионе непростые. Всё это время, что мы говорили, Айжанат терпеливо кипятила на печке большую алюминиевую кастрюлю с молоком — для будущего сыра. Через какое-то время процедила молоко через чистую марлю и добавила что-то вроде кефирной закваски. За час юрта успела наполниться тёплым молочным запахом, а муж Айжанат успел вернуться домой и уснуть. Казашка (было видно, что она устала) сидела у печки и помешивала белую гущу, пока та не достигла нужной консистенции. У меня кончалась пятая пиала чая.

Когда я читала блоги, в которых рассказывалось про жизнь кочевых семей на Алтае, я наткнулась на комментарии вроде «дикари» или «аборигены». Очень часто мы не умеем принимать культуру, не похожую на нашу, образ жизни, отличающийся от нашего, а ведь это принятие, пожалуй, и делает нас людьми, расширяет наше понимание Сибири.

Утром дети Айжанат принесли в чистой марле большой, белый и мягкий кусок домашнего сыра. Это был самый вкусный сыр, который я ела.

Цитата. Джеймс МАЧЕНЕР: «Если вы отвергаете пищу, игнорируете обычаи, не признаёте религию и избегаете людей, то и правильно делаете, что сидите дома».

Книга. Трейси КИДДЕР «За горами горы».

Заведите блог

Совет. Вы можете подумать, что мне легко давать советы — я журналист, которого везде пускают (или наоборот). Действительно, тот факт, что ты работаешь над статьёй, телесюжетом или передачей, вероятно, откроет больше дверей, чем простому обывателю с улицы. Но что мешает вам стать журналистом? Или завести блог о путешествии? Сегодня очень многие люди ездят по миру с камерами, блокнотами и что-то снимают-записывают-выкладывают в Интернет. К таким людям привыкают и — что немаловажно — таких людей принимают. Поэтому, если вы хотите в своей поездке побывать в редких местах или встретить необычных людей, совет: заведите блог. Вы можете публиковать письменные отчёты, снимать, записывать подкасты или монтировать ролики — неважно. Важно то, что ваше путешествие из праздного превращается в исследовательское, а это уже интересней для всех.

История. Прошлым летом мы были в Дудинке, работали над фильмом про северную рыбу. Перед отъездом на «большую землю» мы решили заглянуть в местный рыбный магазин, чтобы закупиться рыбой для близких и друзей. Как выяснилось, у магазина была своя коптильня, в которую, конечно, нам захотелось попасть. Мы пришли в цех, нашли администратора и сказали, что хотели бы посмотреть, как коптят рыбу в обмен на фотоотчёт обо всех стадиях работы цеха. Администрация пошла нам навстречу: нас пустили в цех, дали ответственного сотрудника, который рассказал про то, как ловят рыбу, по какому принципу её сортируют, как солят, упаковывают. Ушли мы из коптильни с большими пакетами, набитыми чиром, сигом и нельмой «в подарок», с интересными историями, новыми знаниями и хорошими фотографиями, которыми хочется поделиться.

Цитата. Марк ТВЕН: «Через 20 лет вы будете сожалеть больше о том, что вы не сделали, чем о том, что вы сделали. Так что оборвите канаты, поймайте попутный ветер, уплывите подальше от тихой гавани, исследуйте, мечтайте, открывайте».

Книга. Тур ХЕЙЕРДАЛ «Экспедиция «Кон-Тики»

Анна ГРУЗДЕВА

Фото Антона ПЕТРОВА

Родион ЖИТИН, директор компании «Сибирские экспедиции», организатор и руководитель путешествий по Сибири, Дальнему Востоку, Казахстану и Монголии, член Русского географического общества.

>> Отправляясь в путешествие по Сибири, помните, что на всей её территории царит резко-континентальный климат, а это значит, что погода изо дня в день может резко меняться. В наших краях стоит быть готовым как к почти нулевым температурам, так и к сорокаградусной жаре. Особенно это касается месяцев, приближенных к межсезонью: маю и сентябрю. Наша команда неоднократно попадала в такие ситуации, когда погода резко менялась, причём не в горах, но даже в относительно равнинной Хакасии.

>> В Сибири очень многие достопримечательности располагаются близко к федеральным трассам. Правда, вдоль них вы не встретите указателей и советов в духе «10 мест, которые нужно посетить». Поэтому, если вы путешествуете на машине, советую готовить все пункты вашего маршрута заранее, изучив разные сайты и путеводители. Тогда вы не просто «посмотрите горы», а наполните своё путешествие самыми разнообразными впечатлениями и смыслами.

>> Не бойтесь идти на контакт с местными жителями, они могут очень многое рассказать вам о своей земле и даже пригласить к себе в гости как долгожданного родственника. Но делайте это с умом: искренне интересуйтесь людьми и не показывайте им атрибутов «больших городов», например, денег, вываливающихся из карманов, и всяких гаджетов. Будьте искренни и просты. Люди в Сибири на всём её протяжении особенные. Только ради них стоит отправиться в путешествие.

Диана СЕРЕБРЕННИКОВА, автор и куратор проекта «Уголки Сибири»

>> Когда вы планируете своё путешествие, для начала определитесь: какой отдых вам ближе? Если, например, вы хотите отдохнуть, ничего не делая, но выбираете активный тур, то, вероятно, он вас разочарует, а отдых ничего хорошего не принесёт.

Дальше подумайте: на какой срок вы готовы покинуть родное гнездо? Если, например, вы отправляетесь в дикое путешествие в первый раз, выберите непродолжительный тур без серьёзных физических нагрузок, чтобы почувствовать, комфортно ли вам будет вдали от дома, не слишком ли тяжело нести рюкзак. Лучше сделать поездку непродолжительной, на 5-7 дней.

Чтобы получше узнать место, куда вы хотите отправиться, максимально изучите информацию в Интернете, почитайте советы путешественников, посмотрите блоги с фотографиями и примерами маршрутов.

>> После того как вы определились с местом и сезоном, вы начинаете собирать вещи. Если, например, вы забронировали домик на турбазе, то, скорее всего, вам не понадобится полная туристическая экипировка, а если место вашего путешествия — дикий лес или горы, тогда нужно брать с собой и рюкзак, и хорошие ботинки, и дождевик, и тёплую одежду, и палатку, и тушёнку. Ну а если и вовсе едете на Алтай на машине, то берёте с собой минимум вещей, побольше денег и наслаждаетесь красотой с комфортом.

>> В любом путешествии всегда стоит надеяться на лучшее, но психологически подготовить себя к разным вариантам развития событий, узнать обо всех возможных «подводных камнях» предстоящей поездки. Если вы идёте в Чарские пески, где нет сотовой связи, где может быть холодно — это один настрой. Если это турбаза на Алтае с кофе и блинчиками по утрам — это другой.

Коммуникативный престиж

Вы мечтаете свободно общаться, всегда решать поставленные задачи? А втайне — слыть прекрасным собеседником, интересным оратором? В этом вас можно понять, мечты естественные. Но если вы думаете, что для этого нужно не делать грамматических ошибок — и всё, придёт вас разочаровать. Это, конечно, необходимо, важно и не так легко. Но для успешного речевого общения мало. Чего же недостаёт? Коммуникативного престижа!

О престижном сейчас говорят много — о престижных профессиях, престижных автомобилях... А что, собственно, значит престиж? Это французское слово, в значении которого присутствуют смыслы «обаяние», «обман», «авторитет», «уважение», «влияние». Но в плане общения важнее всего связать его значение со способностью быть привлекательным и вызывать доверие. Именно оно вкладывается в понятие «коммуникативный престиж». И если другой престиж — профессиональный, служебный, государственный — складывается годами, то коммуникативный престиж нужно поддерживать в каждой ситуации общения, и его легко потерять — одним неосторожным выражением.

Итак, буквально открывая рот, начиная письмо, курсовую работу или статью, мы должны помнить не только о том, что мы хотим сказать или написать, но и о том, как надо это сделать, чтобы это «как» не наносило бы вреда нашему коммуникативному престижу, а укрепляло его. Понятно, что укрепляют его разные вещи, и этому можно посвятить не один мастер-класс. Сегодня выделим три важнейшие составляющие коммуникативного престижа.

Чувство сферы

Наша речь «раскроена» на сферы, в каждой из которых свои жанры, способы выражать мысль и свой лексикон. Это в принципе понятно: в бытовой сфере мы общаемся не так, как в научной; в научной — не так, как в политической; в политической — не так, как в церковной. Каждый может вспомнить свои усилия, которые приходилось прилагать к тому, чтобы «войти» в новую для себя сферу и поладить с необходимыми в ней языковыми ресурсами.

Постепенно у нас вырабатывается чувство сферы — интуитивное ощущение того, как надо общаться именно в этой ситуации, в этой сфере речи. И это чувство регулирует работу внутренних переключателей с одной сферы на другую. Тут надо отметить, что общение в бытовой сфере осваивается в детстве, воспринимается с опытом, а общению во всех других надо учиться постепенно — деловой, научной, политической, поэтической... Поэтому знаменитый филолог Михаил Михайлович БАХТИН назвал бытовую сферу общения первичной, а все другие — вторичными, или культурными.

Конечно, есть люди, которые никакими языковыми средствами, кроме домашних, не владеют, но об их коммуникативном престиже в современных условиях не приходится и говорить. Человек, который претендует сегодня на высокий коммуникативный престиж, должен не только свободно владеть языковыми ресурсами разных сфер, но и столь же свободно уметь переключаться с одной на другую, как того требуют условия общения.

Неумение переключаться с делового, канцелярского общения на повседневное Корней Иванович ЧУКОВСКИЙ назвал «канцеляритом» — как бы болезнью, как отит, гастрит или бронхит. Его ставший знаменитым пример: увидев плачущую девочку, человек спрашивает: «По какому вопросу плачешь?» Болезненность этой ситуации состоит в том, что у человека не срабатывает переключатель с канцелярского общения, где выражение «по какому вопросу» вполне естественно, на повседневное, где оно невозможно.

Если подумать, список таких недугов можно продолжить. Наверное, самый распространённый из них — это «бытовит», который проявляется как неумение переключаться на культурные сферы. Так, на защите дипломной работы её автор сказала «Во второй главе я маленько рассмотрела...», что вызвало оживление в комиссии. Все, конечно, знают слово «маленько», но реагируют на его инородность в научной речи.

Конечно, все такие «сферные сбои» могут быть восприняты собеседниками вполне сочувственно, но риск утраты коммуникативного престижа в таких ситуациях есть. Правда, надо сказать, что обращение к иносферным языковым ресурсам может иметь противоположный эффект виртуозного речевого мастерства. Но это — высший пилотаж, и риск, что эта речевая смелость не будет правильно оценена, есть.

Итак, одно из первых условий поддержания коммуникативного престижа — чувство сферы. Его можно развивать, обращая внимание на языковые средства, которые, кроме значения, обладают «памятью сферы». Так, слово «маленько» помнит о своей жизни в повседневном, домашнем общении и потому смотрится странно в ситуации общения научного. А близкое ему по смыслу слово «несколько» отдаёт книжностью и потому в научной речи будет хорошо смотреться, а в домашнем разговоре несколько странно.

Кстати сказать, проверять своё чувство сферы можно в словарях, ведь они не только значение слова сообщают, но и специальными пометами информируют о его сферной памяти: книжное, разговорное, специальное — это важная информация о том, в какой сфере слово будет естественным и не нанесёт ущерба коммуникативному престижу говорящего.

Почтение к адресату

Один из самых важных параметров коммуникативного престижа — почтение к адресату.

Наиболее остро он проявляется в общении с конкретным человеком. Позволили незнакомцу — и неправильно назвали его отчество или, дай бог, «понижили» в должности, и всё — полная коммуникативная неудача, потому что ваш престиж как участника общения упал до нуля.

Итак, прежде всего важно правильное обозначение адресата — имя, отчество, должность, регалии. Это неременное условие. Оно срабатывает и когда речь идёт о коллективном и потенциальном адресате, упоминаемом в тексте. Так, жители разных городов не любят, когда их называют кем-то странно, как не принято в этом городе: жители Томска — томичи, Перми — пермяки, но жители Вологды — вологжане (а не вологодцы), жители Владивостока — приморцы (уточняла у филологов Владивостока). Именно к этому правилу сводится и пресловутая американская политкорректность, предписывающая не называть негров неграми. Это способствует появлению особых эвфемистических выражений типа «лица кавказской национальности» и требует от авторов самых разных текстов чрезвычайной осторожности.

Второе требование почтения к адресату — избегать неприятной для него информации. Это правило общения зафиксировано ещё в начале XVII века в романе СЕРВАНТЕСА о Дон Кихоте — «В доме повешенного не говорят о верёвке». Тем не менее и сегодня приходится сталкиваться с ситуациями, которые воспринимаются кем-то как бестактные.

Например, это может быть пренебрежительное высказывание о людях какой-то национальности, профессии — в их присутствии. Да сейчас и присут-

ствия не требуется: в газете напишут про инвалидов что-то не деликатное — и все инвалиды обиделись, или матери одинокие, или верующие. Журналисту быть почтительным к адресату становится всё сложнее, а адресаты, как кажется, становятся всё чувствительней к информации, их касающейся. Может быть, раньше просто не было возможностей эти обиды выражать, а теперь — пожалуйста: комментарии, соцсети, фейсбуки...

Наконец, почтение к адресату может проявляться в том, чтобы учитывать его языковые вкусы. Так, в присутствии людей старшего поколения лучше не говорить на молодёжном сленге: мало того что это их раздражает, так они и не поймут половины слов. Если вам человек говорил, что он терпеть не может слово «менталитет» или «концепт», то постарайтесь таких слов избегать. Может, этой вашей деликатности он и не оценит, зато неприятных ощущений вы ему не доставите, а значит, перспективы дальнейшего общения будут более светлыми. А ваш коммуникативный престиж — выше.

Нельзя не сказать о сложности выражать почтение к адресату. Вот, например, недавно жители Петербурга выложили петицию: законодательно запретить склонять топонимы типа Купчино или Колпино, а нарушителей штрафовать. Что тут скажешь? У них такие вкусы. А грамматика русская и языковой вкус других людей «склоняются к склонению» таких топонимов и к выражениям «в Купчине» и «из Колпина». Что тут выбрать — почтение к воинственным адресатам или собственное ощущение почтения к русской грамматике?..

Акцентная чувствительность

Удивительное свойство русского языкового сознания — чувствительность к словесному ударению. Русское ударение — одно из самых сложных, его невозможно заранее вычислить: оно может появиться на любом слоге; меняется при изменении слова, а иногда бывает вариативным — словарь разрешает два варианта (как выбирать?). О сложности русского ударения говорит то, что у нас есть особая лингвистическая наука — акцентология, и есть особые словари ударений. Например, замечательный словарь Ирины Леонидовны РЕЗНИЧЕНКО, вышедший в 2008 году, где аргументами в выборе акцентного варианта служат поэтические строки: поэты заслуживают особого доверия.

Казалось бы, в этой ситуации русские должны быть снисходительны друг к другу. Но нет. Люди без особой лингвистической подготовки (и, кажется, они в первую очередь) бывают просто возмущены, услышав непривычное для себя ударение в слове. И сразу готовы сделать вывод о низкой речевой культуре говорящего. Так, я слышала рассказ о том, что человек очень уважал одного журналиста, пока не услышал, как тот в выступлении по радио не сказал «гражданство». Иначе говоря, ничто не может так подорвать коммуникативный престиж, как неправильное ударение. Можно произнести блестящую речь, а испортить впечатление одним только неправильно акцентированным словом типа «созвонимся».

Отсюда закономерный вывод: все, кто говорит публично, должны развивать в себе особую акцентную чуткость — внимание к словесному ударению. Прислушиваться к тому, как слова акцентированы в речи разных людей, и при наблюдении различий обращаться к словарю. Например, к словарю ударений И.Л. Резниченко. Вспоминать, как говорят те, кто для вас авторитет в речевой культуре. Вести собственный словарь ударений — тех слов, которые даются вам сложнее других.

Конечно, три разобранных свойства русской речи не исчерпывают параметров коммуникативного престижа. Но с них можно начать контролировать свою речь, укрепляя свой престиж каждый день или внимательно анализируя коммуникативные неудачи, которые, если честно, неизбежны. Но не фатальны. Успехов!

Т.В. ШМЕЛЁВА,
доктор филологических наук,
профессор Новгородского университета
им. Ярослава Мудрого

4 месяца в Арктике и другой экстрим

(Окончание.
Начало на стр. 6)

Экономил топливо: только вскипятишь воду для растворения еды, сразу же выключаешь горелку. Спальники были довольно тёплые, но в них в таких условиях образовывались комки льда. Поэтому мы разрезали коврик на кусочки и прикладывали во время сна к тому участку спального, где чувствовался лёд.

— **Меховую одежду современные полярники не носят?**

— От неё давно уже отказались: она тяжёлая, а намочнет, высушить невозможно. Пух тоже смерзается и становится комком льда. Теперь используются наполнитель тинсулейт и одежда из полара. Во время нашей экспедиции в России только начали в него одеваться, а в Канаде все ходили в поларе поголовно.

Конечно, прогресс многое меняет. Если в первых арктических экспедициях Чукову приходилось для определения местоположения таскать с собой теодолит, высчитывая склонение солнца над горизонтом в течение нескольких часов, то у нас уже был GPS. Зато пришлось брать с собой три тяжёлых аккумулятора, чтобы обеспечивать коротковолновую связь с материком.

Экспедиция была очень серьёзной, но для края она прошла незаметно. Да и в мире о ней немного говорили и писали. Может, дело в том, что в такие мероприятия вкладывает деньги большой бизнес. А тут, получается, четыре человека взяли и незаметно прошли сотни километров на лыжах.

— **Валерий Петрович, после двух сложнейших путешествий, которые завершили с успехом, есть ли у вас универсальные секреты выживания?**

— Прежде всего надо знать те риски, которые тебя ждут. Их можно предусмотреть процентов на 90: климатические условия, периодичность природных явлений. Нужны хорошая теоретическая подготовка, план, подобранное снаряжение и продукты — здесь много нюансов.

Во-вторых, человек должен быть морально подготовлен к трудностям. В такие экспедиции обычно не ходят новички, начинать надо по принципу от простого к сложному. В общем, для экстремального перехода требуется всё просчитать на сто рядов плюс иметь подстраховку в виде современных технических средств.

Далее: хорошая физическая подготовка, без неё никуда. Причём к тренировкам должен применяться научный подход. В крае спорт развит на высоком уровне, поэтому всегда можно получить нужную консультацию.

— **Что для вас всё же было сложнее: поход на Эверест или через полюс?**

— Обе экспедиции были мне очень интересны и по-своему сложны. Это очень разный опыт. В своё время известный альпинист Райнхольд Месснер, покоривший все восьмитысячники мира, часть из которых — в одиночку, в одиночном походе по Арктике потерпел неудачу. Идти на Север без попутчиков, имеющих опыт полярного туризма, сложно, за неделю этому не научишься. У меня такие проводники были.

— **А на Байкале в одиночку вам было легко?**

— Абсолютного одиночества не получилось, это населённое место. Да, с одной стороны, одному легче: никому ничем не обязан. С другой — не дай бог что случится.

Байкал, конечно, не слишком опасен для путешествий, хотя местные и называют его уважительно Отец Байкал. Особых приключений в моём походе не было, но один раз я попал в сильный ветер. Ну сел в палатку, в угол, как учат в горах, а на случай, если сломает стойки, собрал все вещи в рюкзак.

Интересно, что когда я собрался на Байкал, начальник регионального центра МЧС дал команду «оказать Коханову помощь». В Бурятии это восприняли так, что приставили ко мне двух сопровождающих, которые шли в ста метрах от меня. Так вот, мне пришлось обучать их тому, как выбирать место для палатки и ставить её на льду, как ориентироваться... да и многому другому.

— **Валерий Петрович, а не хотелось совершить путешествие на другой конец Земли, к Южному полюсу?**

— Очень хотелось, но пока не получилось. На 2000 год Чуков планировал антарктическую экспедицию с той же командой, надежды были. Я тогда даже отказался от предложения взойти на Лхоцзе, которое организовали в

МЧС. Но ничего не вышло. Теперь жалею: надо было идти в Гималаи.

— **Чуков продолжает северные экспедиции?**

— Да, он постоянно ходит. В этом году они в очередной раз попытались достичь Северного полюса на транспорте с колёсами низкого давления.

— **А вам удалось побывать где-нибудь ещё, кроме мест, описанных в книге? И куда, кроме Антарктиды, интересно было бы попасть?**

— Несколько лет назад мы с «ветеранской командой» два раза съездили в Южную Америку: поднялись на 6 вулканов, два из которых были действующими. Я был на Мачу Пикчу, на Галапагосских островах — это незабываемые впечатления. Посмотрел Эквадор, Перу, Чили, Аргентину... Поднялись на высшую точку Анд, вершину Аконкагуа — семитысячник без нескольких метров.

Вообще, работа не всегда позволяет путешествовать. Мне очень хотелось бы побывать в настоящей пустыне, в открытом море, Антарктиде.

— **А в космос слетать?**

— Конечно, тоже хотелось бы. В

жизни был такой интересный момент. Перед тем как я ушёл на полюс, мы с оператором «Афонтово» Сергеем БОНДАРЕВЫМ сняли «космический» сюжет на 1 апреля. Во время обучения на спасателя международного класса в Москве мне пришлось побывать в Звездном городке. Я померил там скафандр — из всех курсантов он только мне и подошёл по размеру. Сел в спускаемый аппарат... И тут у нас родилась идея маленькой мистификации. Сделали новость о том, что в России появились космические спасатели: один из них якобы уже проходит подготовку. Я в кадре, одетый в скафандр, залезаю в космический аппарат, машу рукой... Утром 1 апреля сюжет вышел, и тут же звонок из регионального центра: как так, почему скрываете информацию, какие у вас источники? Никак не могли поверить, что это шутка.

А если серьёзно, то космос слишком дорогая вещь, чтобы попасть туда просто так. Но здоровья у меня хватило бы. Я дважды проходил тестирование в институте медицинских катастроф, и врачи сказали, что организм — как у олимпийского чемпиона. Мне кажется, это потому, что ты тренируешься с желанием, не из-под палки, сам знаешь свою цель и стремишься к ней.

Меня часто спрашивают, верю ли я в Бога. Но что такое Бог и как в него верить? Я убеждён, что мы не одни на этой планете и в космосе. В экстремальной ситуации твоя психика настраивается по-другому, ты чувствуешь, что всё более тонко. Есть чувство, что кто-то или что-то за всем этим стоит.

Наверное, то, как сложилась моя жизнь, было написано судьбой. Совпали желания и возможности. Мне всегда нравилось путешествовать, а для этого требовались финансы, которых не было. Потому я и выбрал спорт, вначале скалолазание, потом альпинизм, и ещё студентом объехал весь Крым, всю Среднюю Азию и Прибалтику.

— **Где-нибудь из мест, в которых вам удалось побывать, хотелось остаться?**

— Мне много где понравилось. Но лучше всего постоянно переезжать с одного места на другое. Хочется всё увидеть своими глазами.

Татьяна АЛЁШИНА

Из дневников Валерия Коханова

«Я долго смотрел на восход солнца над вершинами Гималаев. На такое можно смотреть бесконечно. Глядя на расцветающий день, на перелив красок сурового края земли, перестаёшь ощущать пространство и время, куда-то исчезаешь, прямо как в книжках. Все неприятные чувства и тревоги растворяются, и ты попадаешь в мир грёз, чистоты и полёта. Состояние такое, как будто ты уже там, вверху, паришь в холодном, бесконечном пространстве Гималаев или, наоборот, где-то внутри чего-то, воспринимаешь Мир через большой экран телевизора».

«Пока тащишь сани по проложенной колее, полностью предоставлен сам себе. За это время чего только не передумаешь. Кажется, что вернёшься домой — жизнь свою изменишь, сделаешь дома ремонт, купишь то, сделаешь это... По зелени лесной скачу, по птицам, по речке. Мысли улетают далеко-далеко, пока что-нибудь не вернёт в реальность. А реальность — и опасная, и ... Как передать, чтобы было понятно?..»

«Преодолели широкую грядку звенящих от мороза и жёстких, как бетон, торосов. Ты лезешь по хаотично наваленным ледяным глыбам, волоча за собой тяжёлые сани. Затягиваешь их на многометровые гребни торосов, спускаешься с ними в провалы между льдинами, где боком, где кверху дном протаскиваешь их за собой. Когда, обливаясь потом, выбиваясь из сил, выдёргиваешь заклинивший в торосах корпус саней, и он тут же с грохотом всей своей массой наваливается на тебя, если вовремя не успеваешь вернуться. Это когда ты радуешься, найдя удачный проход между двумя глыбами... Это когда с такой надеждой ждёшь очередную ледовую поляну... которой почему-то всё нет. И уже сани становятся тебе родными, ты их уговариваешь, предупреждаешь, ругаешь. Ты их жалеешь, подставляя свои плечи, когда спускаешь с двухметровой высоты, и хвалишь, если они встали именно так, как ты хотел. И вот, наконец, клочок ровного льда, на который ты втаскиваешь сани и в изнеможении падаешь на них».

Павел ЭКСНЕР: «Хвастаться незнанием математики — как гордиться грамматическими ошибками»

Президент Европейского математического общества, вице-президент Европейского исследовательского совета (ERC) Павел Экснер из пражского института математической физики и прикладной математики в своё время долго работал в России. Приехав познакомиться с красноярской математической школой, он рассказал нашему корреспонденту о том, ЧТО в Европе нет никакого предубеждения по отношению к российским учёным, ПОЧЕМУ в советской науке деньги не играли важной роли и КАК западные математики сражаются с административными препонами.

— Павел, одна из задач Европейского математического общества — формирование идентичности европейских математиков. Звучит немного ... странно, не находите?

— (смеётся) Я, конечно, этого не формулировал, это всё из документов, которые были сочинены, когда организацию только основали. И тогда это имело смысл, потому что в 80-е годы Европа была разделена, национальные математические сообщества — разрознены. Казалось, что надо сделать упор на то, что мы все — европейцы. Тем более что история европейской математики насчитывает столетия.

— А сейчас задача себя не исчерпала? Возможно, не надо больше никому доказывать наличие этой идентичности или, напротив, все опять потихоньку начали разбегаться?

— Задача немного утратила актуальность, конечно. Но надо понимать, что Европа, в отличие от других континентов, очень неоднородна. У нас неделю назад в Будапеште было собрание президентов национальных математических обществ. И надо было видеть, какие это разные люди! Южане, северяне — характеры совершенно разные, но вместе это создаёт ту амальгаму, которой Европа является. А если вы об отличиях между западной и восточной Европой, то следы времён разделённого мира остались, но в плане исследовательской математики никаких различий уже нет.

— Но уровень-то всё равно неоднороден...

— Просто разные страны поддерживают науку по-разному. Есть государства, которые выделяют из госбюджета большие средства на её развитие. Кроме того, условия работы тоже отличаются. Если в Европе в рамках какого-то проекта открыть рынок полностью, как мы сделали, например, с европейскими грантами, то становится понятно, куда люди идут и откуда бегут. В общенаучном плане самыми привлекательными странами оказываются Великобритания и Швейцария. Напротив, среди старых европейских стран больше всего страдает Италия. Там, конечно, прекрасный климат, но если взять итальянскую бюрократию,

то жить становится нелегко. Продвигаться по службе там практически невозможно.

— Напрашивающийся вопрос: а Россия — это Европа или нет?

— С культурной точки зрения Россия — это определённо европейская страна. Но, с другой стороны, это целый континент со своими историческими и административными традициями. Время, до того как упал «железный занавес», было уникальным — по разные его стороны возникали разные идеи. Обмен ими восхитил и обогатил и западных математиков, и советских. Сейчас в этом плане немножко скучнее — в кавычках, потому что мир един, легко путешествовать с места на место, и таких открытий, как тогда, не сделать. Европейское матобщество имеет среди своих членов людей из московского и петербургского матобщества.

— Может ли современная российская наука что-то интересное предложить европейской?

— Российская математика потеряла, конечно, многое после 90-х годов, но система, ядро устояли. Есть таланты, есть молодые люди, и важно, что российское правительство вкладывает в них деньги. Пример тому — мегагрант здесь, на кафедре СФУ. И, конечно, почти тривиальный пример, но сравните с другими постсоветскими странами. Как там сейчас с наукой?..

Мегагранты — большое дело. Трудно предсказать, где появится результат, но если хотите иметь шанс, такие проекты нужно поддерживать по правилу эксцелентности — выбирать результаты самого высокого качества. Честно говоря, меня в своё время тоже манили возглавить один из мегагрантов, но сказали, что потребуется четыре месяца провести в России. Я не мог такого себе позволить.

— А Европа не чувствует дефицита математических кадров? Насколько популярна математика среди молодых людей?

— Сложно ответить на этот вопрос. Есть города и университеты, где математика процветает. Они вытягивают туда все таланты, до каких дотянутся. И есть места, где математика, мягко говоря, не самая модная дисциплина. К сожалению, таких

мест большинство. Удивительно, не находите: вы же не будете хвастаться, что не владеете правилами грамматики? Но гордо заявлять: «Смотрите, я ничего не понимаю в математике, вот какой я вырос» — многие считают уместным.

— Не ощущается как национальная трагедия, если чешский математик уезжает работать во Францию, например?..

— Если поток не только в одном направлении, тогда проблем нет. Трагично, когда нет однородного распределения. Скажем, наши словацкие друзья жалуются, что их студенты уезжают в Прагу учиться, а назад не возвращаются.

— А вы как чешский учёный чувствуете свою принадлежность скорее к Чехии или ко всей Европе сразу?

— Конечно, у каждого своя нация, свои традиции, свои песни, которые пели в детстве. Но, с другой стороны, это единая Европа, и это для моего поколения особенно ценно, потому что мы, так сказать, половину своей жизни были отрезаны от всех наших традиций. Скажем, в Вену, где когда-то работал мой дедушка, я попал впервые в возрасте сорока с лишним лет.

— Насколько эффективна европейская система поддержки науки? И сильна ли бюрократия?

— Сложный вопрос. Я думаю, то, что мы сотворили — я имею в виду гранты от ERC — это очень эффективно и наименее бюрократично. Но большинство европейских программ страдают от большой административной нагрузки. И борьба за то, чтобы ситуация изменилась, идёт с переменным успехом. Это просто закон Паркинсона (эмпирическое правило, которое гласит, что работа заполняет время, отпущенное на неё, — ред.). Лучше ли дела обстоят, чем в США? Америка — неоднородная среда, есть гранты очень простые, а есть и крайне трудные. Ну, и там иногда возникают, скажем так, политические соображения, из-за которых вводятся критерии, которые не всегда на пользу делу.

— Вы в начале «десятих» активно ездили по России, пропагандировали идеи Европейского Союза. Насколько на них откликнулись наши отечественные учёные?

— В ERC воспользовались тем, что я среди членов этого совета — единственный, кто по-русски говорил. Ну да, опыт был, но хотелось бы, чтобы поток в обе стороны был сильнее. Был разговор, что Россия станет ассоциированной страной этой программы. Но что-то не случилось. А гранты большие, индивидуальные и полностью свободные. Мы даже сделали так, что если, скажем, вам не нравится, как с вами обращается ваш университет, то вы вправе забрать оставшиеся деньги и уйти в другое место. Этого многие университетские администрации не любят, но мы нарочно так поступили, потому что не хотели, чтобы в той же Италии какие-то бюрократы в руководстве вуза сидели и держали талантливого исследователя за горло.

— Отдаётся ли приоритет прикладным разработкам?

— Нет. Приоритет отдаётся отличным научным идеям, какие бы они ни были. То есть они могут быть чисто теоретическими, а могут быть очень прикладными. Там весь спектр наук от математики до истории искусств. Но в каждой области задание такое — выбирать, так сказать, самые пробойные идеи. И я надеюсь, что мы этому способствуем.

Как они выбираются? Превью (предварительный просмотр — ред.) заявок, которое производят первоклассные учёные. И про превью можно сказать то же самое, что Уинстон Черчилль в своё время сказал про демократию: «Плохая система. Но все другие намного хуже».

— Не слишком ли Европа сейчас увлечена внутренними проблемами: миграционной, проблемой терроризма? Как научная тема существует в такой повестке?

— Это, конечно, так. Например, у нас в прошлом году была большая борьба, потому что Еврокомиссия с целью экономии решила сократить программу «Горизонт 2020» (рамочная программа ЕС по развитию научных исследований и технологий, — ред.). Потом удалось основные направления сохранить, но сейчас всё забыто. Идёт миграционный кризис, и проблемы научного характера отступили на второй план.

Я старый человек и чувствую, что мир не в лучшем состоянии. Да, мои родители прошли две мировые войны, и в сравнении с этим у моего поколения сравнительно спокойная жизнь. Но ничего не гарантировано в длинном плане.

— Научную карьеру вы начинали в 70-е, в подмосковной Дубне. Можете провести какие-то параллели между советской и российской наукой?

— Дубна сейчас — это огромный институт с лабораториями не однородной силы. Есть коллективы мирового уровня и другие, которые стоило бы немножко обновить. Последний раз я, приезжая в Дубну, был в той же самой лаборатории теоретической физики, где работал. Было немножко грустно, когда увидел те же лица, но 25 лет спустя.

Что же касается разницы, то советская наука представляла собой нечто совершенно другое. Там деньги играли роль в каком-то косвенном смысле. Иллюстрация: есть у меня

коллега, ядерный физик. Так вот он говорил: на Западе когда хочешь, например, измерять спиновое состояние ядер, то подаёшь на грант, получаешь его, потом начинаешь осваивать и так далее. Но в Советском Союзе ты берёшь два пустых стакана и бутылку с коньяком и идёшь к тому, о ком тебе сказали знающие люди. Ставишь бутылку на стол, и вы начинаете разговаривать. Как поговорите, такие условия для эксперимента у тебя и появятся. Вот так в советские времена было.

— А к русским учёным в связи с нынешними политическими реалиями не относятся в Европе предвзято?

— О, это зависит от страны, конечно. Есть страны, в которых отношение к России неважное, и я боюсь, что, скажем, в Польше найдётся среди коллег немало таких, которые будут на русских коситься. Но в целом в Европе хороших русских учёных почитают. И смотрите, сколько их уехало туда! Помнится, мой британский друг однажды рассказывал мне, что счастлив этому русскому нашествию. Я переспросил: «Что, правда, ты счастлив?». А он отвечал: «Мне как аналитику было не с кем работать, а теперь здесь так много хороших и умных людей!».

— Наверняка вы знаете о крайне неоднозначной реформе, которую российские чиновники затеяли с Российской академией наук. Как считаете, учёные сами должны распрямляться своим имуществом?

— Тот, кто это придумал, наверное, не помнит мудрую фразу Алексея Николаевича КОСЫГИНА (*советский политический деятель, автор знаменитых экономических реформ во второй половине 60-х — ред.*), который в своё время сказал, что отбирать деньги у академиков — это как стричь крысу: визгу много, шерсти мало (*смеётся*). Серьёзно: независимость РАН важна, и если есть попытки государства её нарушить, надо сопротивляться. Я всегда говорю: в советские времена, хотя они были трудные, когда отправили в ссылку Андрея САХАРОВА, с него не сняли звание академика. Академия не позволила. А ведь тогда это решалось просто — один звонок из ЦК, десять минут — всё. Так что этот вид независимости надо сохранять.

— На вашей персональной страничке сказано, что вы любите научную фантастику...

— К хорошей фантастике отношусь с большим уважением. Скажем, среди классических авторов люблю, конечно, Станислава ЛЕМА. Советскую фантастику читал тоже, но не до такой степени. Интерес к научной фантастике поуёс, конечно. Но такие вещи идут волнами. Например, не знаю как в России, но в нашей стране полностью пропал интерес к поэзии. Поэты раньше были великие люди, но сейчас на них никто внимания не обращает.

Способствует ли фантастическая литература притоку людей в науку? В старые времена — да, сейчас — не знаю. Конечно, это привлекает, но того задора, что был в наши молодые годы, когда мы видели первый пилотируемый полёт и действительно страдали по космосу, сейчас, боюсь, уже нет. Хотя Марс — великое дело. И я надеюсь, что я ещё доживу до того момента, когда туда ступит нога человека.

Евгений МЕЛЬНИКОВ

Завтра не наступает

В детстве мы получаем ряд психологических и мировоззренческих установок, некоторые из них помогают нам в течение всей жизни, а другие — наоборот. Эти «мыслительные рефлексы» сужают наше видение и восприятие реальности, мешают достичь гармонии в отношениях и даже могут привести к душевным и физическим расстройством.

Как работает мышление человека и формируется тот или иной тип поведения? Что можно сделать, чтобы укрепить своё психическое здоровье и не впасть в депрессию? Как общаться с трудными людьми и сохранять при этом олимпийское спокойствие? Врач-психотерапевт, к.м.н., доцент кафедры психологии и педагогики Северо-Западного государственного медицинского университета им. И.И. Мечникова (Санкт-Петербург) Дмитрий КОВПАК утверждает, что найти ответы на эти вопросы поможет когнитивно-поведенческая терапия (КПТ). По его словам, эта психотерапия направлена на освобождение человека от бесполезного рефлекторного поведения.

В мае вице-президент российской психотерапевтической ассоциации Д. Ковпак посетил Психолого-педагогическую клинику СФУ, где выступил с лекцией. Кстати, Дмитрий также является председателем российской ассоциации когнитивно-поведенческой психотерапии; красноярское отделение КПТ открылось в ноябре 2015 года.

В плену иллюзий

С точки зрения специалистов по когнитивной психотерапии мы совершаем ошибки регулярно, в нашей голове возникают какие-то заблуждения, подтасовки, которые внутри себя мы не замечаем. Поэтому задача — научиться выходить из этого потока... Особое внимание в когнитивной терапии уделяется НАСТОЯЩЕМУ, работе с сознательным содержанием, в отличие от психоанализа.

— Человек привык жить иллюзиями, а завтра не наступает никогда, потому что завтра человек думает о следующем «завтра», — утверждает адепт когнитивной терапии Дмитрий Ковпак. — Вы, наверное, не раз слышали фразы: «он меня бесит», «она меня пугает» или «они меня тревожат»? Это классическая ошибка! Бесит себя исключительно сам человек. Люди приписывают осознание того, что они чувствуют, другим людям, обстоятельствам, внешним явлениям и не замечают, что сами кузнецы своего счастья и несчастья. И пока они этого не замечают — не могут и поправить.

Информация проходит через фильтр наших правил. Если мы видим что-то, на наш взгляд, ужасное или несправедливое, то начинаем заводиться и реагировать в автоматическом режиме. Как в компьютере, срабатывают мыслительные программы, которые подсказывают нам, во-первых, ЧТО происходит, во-вторых, КАК к этому относиться, а в-третьих, ЧТО ДЕЛАТЬ и КАК СЕБЯ ВЕСТИ — кричать, топтать ногами, кидать посуду, убегать? Всё запрограммировано! Человек реально не видит, что он зомби в большинстве случаев. Свобода — то, что ещё надо выгрызть из своих автоматических программ сначала осознанием, потом формированием альтернативы и тренировкой.

Богатые тоже плачут

— Дмитрий, вы автор многих научно-популярных книг по психотерапии. Что провоцирует депрессию, агрессию и апатию — экономика, политика?

— Всё! Но главный фактор — это внутриличностные конфликты. Статистика доказала, что во время войны неврозы падают чуть ли не до нуля. В этот период очень мало болеющих, причём даже тяжёлыми соматическими заболеваниями — пневмонией, гриппом и т.д. Мобилизуется человек. У него появляется цель, смысл, надежда, что он справится с этой бедой, и жизнь наладится. А когда заканчивается война — всплеск неврозов, суицидов... Сейчас Россия, к сожалению, входит в десятку проблемных стран по суицидам.

В большинстве случаев суицидальное поведение — это проявление депрессивного состояния. Аарон Бек, у которого я и учился основам КПТ, выделял так называемую когнитивную триаду депрессии — негативное отношение к себе, к настоящему, к будущему. Если всё это сходится, то человек не видит ни выхода, ни возможности быть счастливым или хотя бы жить нормально, а не страдать.

— Как помочь?

— Здесь нет простых и быстрых решений, как хочется: волнуешься — не волнуйся, печалишься — да хватит, скоро лето, травка зеленеет, солнышко блещет. От таких слов человек гораздо быстрее покончит с собой. Если сказать такому товарищу: соберись, тряпка! — это, по сути, пристрелить его сразу же. Говоря так, люди пытаются сэкономить своё время, а человек испытывает дополнительное чувство вины.

Задача намного серьёзнее, глубже и сложнее, чем могут представить родственники, знакомые и люди, которые не сталкивались с депрессией. Когнитивная терапия помогает распутать клубок заблуждений, рациональных верований, негативных ожиданий, фантастических представлений о горестях, бедах, несчастьях.

В поисках смысла

«Люди, которые не ставят перед собой цели и задачи, не видят и смысла. Они страдают не только психически, но и физически», — уверен Д. Ковпак.

В России в рамках программы «Компас» проводили исследование, которое финансировали фармакологические компании. Изучали более 50 тысяч пациентов и выяснили, что если у человека происходит инфаркт с депрессией, то у него в четыре раза меньше шансов выжить в первые шесть месяцев, чем у человека без депрессии.

А у очень авторитетного учёного Мартина СЕЛИГМАНА есть теория выученной беспомощности: когда человек считает себя беспомощным — он обречён...

Вероника АНДРЕЕВА

Полный текст —
в электронной версии газеты

Личный бренд построим сами

По статистике 11,8 млн человек в России выходит в Интернет только со смартфонов или планшетов. 25% из них используют, в первую очередь, социальные сети. Даже если не опираться на эти цифры, никто уже не станет отрицать, что социальные сети прочно вошли в нашу жизнь, и утро уже давно начинается не с кофе, а с просмотра френд-ленты.

Раньше эксперты говорили: «События, которое не показали по телевизору, не было». Потом бытовала фраза Билла ГЕЙТСА: «Если вас нет в Интернете, значит, вас не существует». А сегодня по-настоящему существовать в сети вы начнёте лишь тогда, когда обзаведётесь первой-второй тысячей подписчиков. И ещё одна цифра. По информации Global Web Index, среднестатистический потребитель имеет 5,8 аккаунтов в соцсетях и активно использует 2,8 учётных записей. При такой загруженности виртуального мира было бы странно, если бы соцсети не использовались для продаж и продвижения. Чтобы это могли сделать именно вы необходимо предлагать аудитории качественный контент в социальных сетях, чтобы помочь потенциальным клиентам принимать потребительские решения.

Что такое личный бренд? Многие бизнесмены отмечают, что это способ зарабатывать деньги на имидже. Как пишет Андрей ДАВИДОВИЧ, управляющий партнёр проекта по защите доступа в Интернет Traffic Inspector: «Имидж бренда — это некая марка, система образов, символов и ассоциаций, способная привлекать контактную аудиторию, в качестве которых могут выступать разные люди (потребители, клиенты, СМИ, чиновники, инвесторы и другие бизнес-партнёры). Сам бренд — это не что иное, как материальный актив человека, который является основным средством продвижения. Личный бренд используют для продвижения и повышения конкурентоспособности своих бизнес-проектов. Для большинства предпринимателей этот аспект сегодня очень актуален. Самый распространённый пример — Стив ДЖОБС, его влияние на имидж и в итоге на стоимость корпоративного бренда Apple и всей его продуктовой линейки. Следующий пример личного бренда как элемента для привлечения денег уже из отечественной практики. Олег ТИНЬКОВ, который живёт по принципам: создал проект, раскрутил его, продал, вложил деньги в другой. И во всех начинаниях мы видим максимальное влияние его личности, будь это пивоваренный завод или кредитные системы. В итоге проекты предельно позитивны и динамичны».

Зачем нужно продвигать личный бренд? Ответ прост: сильный личный бренд позволяет выйти победителем практически из любой конкуренции в бизнесе, где вы являетесь специалистом. Продвижение личного бренда отлично подходит для фрилансеров, тренеров, предпринимателей.

Мастер-класс по развитию личного бренда в социальных сетях проводит Евгений ЖИГАЛОВ, генеральный директор, учредитель Консалтинго-

вого центра «ЕЖ», член ассоциации бизнес-консультантов Красноярского края, член Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «ОПОРА РОССИИ».

Для начала Евгений советует понять, какие социальные сети помогут решить вашу задачу. «Здесь не стоит распыляться, — советует Евгений, — нужно однажды настроить все соцсети, чтобы было присутствие, а затем выбрать одну-две наиболее эффективные именно для вас».

Следующий шаг — позиционирование. Чтобы понять, как себя позиционировать, задайте себе несколько вопросов: в чём вы эксперт? Кто ваша целевая аудитория? Нравится ли вам то, каким вы предстаёте, и вообще нахождение в соцсетях?

Важно не допустить распространённую ошибку, когда определяешься с экспертностью: не стоит пытаться охватить множество деятельностей. Подписчику должно быть понятно, чем вы занимаетесь. Нужно определиться в одном, максимум в двух направлениях и о них рассказывать у себя на страничке. Социальные сети уже давно перестали быть местом для себя и друзей. Если вы есть в них, значит, вами интересуются. Проявляйте инициативу; если произошло событие мирового масштаба или в стране — вы можете высказывать свою точку зрения, становясь более заметным.

Целевая аудитория в соцсетях достаточно чётко делится по возрасту: «ВКонтакте» 18-24 года, в «Фейсбуке» — 25-34 года, в «Инстаграме» возраст не учитывается, зато учитывается её колоссальный рост за последнее время. Это наиболее активная сеть на сегодняшний день. В любой сети легко накрутить подписчиков, но количество лайков и комментариев вас выдаст. Поэтому «живые» подписчики будут ценнее. По статистике лайкает посты 10% от общего числа друзей.

Правда, в последнее время этот показатель падает. Есть ещё «Одноклассники», аудитория которых наиболее возрастная, однако, по данным прошлого года, там осталось всего 5% активных авторов.

И третий пункт — «нравиться самому себе», быть всегда настоящим, потому что это устанавливает доверие с аудиторией. Маска рано или поздно спадёт, а собой быть проще. Если человек не получает удовольствия от своего бренда, формирования его стиля и продвижения — это занятие сразу становится бессмысленным. Как говорит Евгений, нужно сравнивать себя с собой вчерашним, а не с окружением. Поэтому гнаться за чьей-то популярностью не стоит.

Кроме того, лучше всего вести социальные сети лично, чтобы избежать казусов.

Сейчас, если нет времени заниматься соцсетями ежедневно, можно подготовить посты на несколько дней вперёд, уделив этому внимание один раз в неделю. Но если делегируете эту функцию сотруднику — нужно чётко прописать стратегию позиционирования и рамки дозволенного.

После того как ответите честно на эти вопросы, можно приступать к работе над своими социальными сетями.

Личный бренд даёт человеку огромные возможности в плане свободы формирования собственной карьеры. Создание сильного персонального бренда на широкую аудиторию — это проект, который, как и любой проект, требует целенаправленных усилий, времени и ресурсов. Необходимо заранее выделить силы на его построение, продвижение и поддержание. И этим стоит заниматься!

Анастасия АНДРОНОВА

Список важных шагов от Евгения Жигалова по использованию социальных сетей при продвижении личного бренда

- Используйте только настоящие фамилию и имя, это вызывает большее доверие среди подписчиков, чем псевдонимы.

- Сделайте ревизию всех ваших постов, фотографий, удалите все те, которые компрометируют вас и не соответствуют вашему статусу. Используйте профессиональные фотографии.

- Заполните подробно информацию о себе, сфере вашей деятельности, чем можете помочь, это позволит вам привлекать новых клиентов в бизнес. Об этом также можно написать в статусе.

- Будьте полезным вашим виртуальным друзьям, размещая ваши мысли, рекомендации, делитесь событиями из вашей рабочей и личной жизни.

Соблюдайте формулу: 30/30/30/10. Продажи — 30% (фотографии листовок/визиток, акционные цены, распродажи, анонсы мероприятий, фото из разряда «я веду вебинар — заходите», скриншоты количества посетителей, встречи, переговоры и т.д.), полезности — 30% (полезные/вредные советы, тематические и экспертные статьи, эксперименты, кейсы удачные и неудачные, вброс задач для мозгового штурма и т.д.), лайфстайл — 30% (свои фото, фото с семьёй, вы с клиентами, с партнёрами, с учителями/наставниками, со звёздами, фото из поездок, посты о том, что вас мотивирует и т.д.), 10% — юмор, притчи, загадки, тесты. Небольшой лайфхак: помните о вирусности. Публикации должны быть живыми, вызывающими эмоциональный отклик в виде жгучего желания рассказать о них друзьям. Избегайте откровенно рекламных постов.

- Комбинируйте. Все ваши посты должны быть комплексными и сочетать текст с фото или текст с видео.

- Каждую фотографию необходимо подписывать 1-3 предложениями с хэштегами, а также брендировать фотографии (можно использовать бесплатный онлайн-ресурс водянойзнак.рф). Например, Евгений использует тэг #ЕвгенийЖигалов #КонсалтинговыйЦентрЕЖ.

- Поддерживайте контакт с аудиторией каждый день, а не от случая к случаю, так как виртуальные друзья хотят тоже «живого» общения. Без системности можно упустить многие возможности продвижения. Активное время утром с 8:00 до 10:00, обеденное время с 13:00 до 15:00, вечернее время с 16:00 до 18:00 и 20:00 до 22:00. Важно не только делать собственные посты, но принимать участие в обсуждениях тематических групп или вопросов. Задавая вопросы своим читателям, вы лучше поймёте свою целевую аудиторию.

- Основная фотография (аватарка) должна быть вашей личной и соответствовать тому, чем вы занимаетесь, чтобы при личной встрече можно было вас узнать. Последнее время виртуальные друзья становятся реальными, и знакомство переходит в общение, партнёрство, бизнес. Также лучше поставить одинаковые аватарки во всех социальных сетях.

- Собирайте и публикуйте отзывы, они помогают строить личный бренд.

Следуя этой инструкции, можно быть уверенным, что подписчики появятся. Что делать дальше? Продолжать ставить хэштеги, генерировать уникальный контент, постить качественные фотографии и развиваться.